

РЕКА ВРЕМЕНИ. ГОРЫ СУДЬБЫ. **(рассказ о людях ушедших поколений)**

Что побудило меня написать ту историю, которую вы сейчас прочтете? Два желания. Первое – это рассказать всем землякам о моих предках - тех достойных и славных людях, родством с которыми я искренне горжусь. О Настоящих Чеченцах: похожими на которых я стараюсь воспитать своих детей. И похожими на которых хотела бы видеть всех моих земляков.

И второе: это желание помочь понять истинно чеченский характер – всем тем, кому это действительно интересно. Дать заглянуть им, людям других народов, хоть краешком глаза, в нашу чеченскую душу: простую, незлобивую и благородную. Чтобы, кроме прочего, уяснить одну очевидную вещь: образ «злого чечена», так долго создававшийся нашими недругами, столь же далек от истины – как чистое сияние звезды далеко от его мутного отражения в дождевой луже.

Чеченская кровь – это благородная кровь воина-защитника. Кровь единственного на свете народа, у которого никогда не было ни рабов, ни царей. Единственного из всех, что воевал так часто – но никогда, ни разу в своей истории не вел захватнической войны. Народа, чьи гордые люди превыше всего ценят свободу и независимость. А мотыгу и ружье - так их научила жизнь - держат рядом друг с другом: и обоими владеют в совершенстве.

Я, Луиза Айдамирова, счастлива тем, что чеченская кровь течет в моих жилах. А всем моим землякам-современникам хочу искренне пожелать, чтобы по жизни они сумели пройти прямо и честно, не склоняясь перед трудностями, не соблазняясь ложными ценностями, не отвлекаясь на глупости - как те чистые по крови, Настоящие Чеченцы, к рассказу о которых я сейчас приступаю...

Часть первая. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ.

ВСТРЕЧА.

Это было в Хасав-Юрте. На дворе стояло лето 1983-го. Асфальт автовокзала полуденное солнце раскалило так, что ступив на него босиком, можно было и обжечься. Но мужчина, подошедший к «Икарусу», был одет не по погоде. На плечах хорошо сидел традиционный чеченский костюм: старого кроя, но чистый и аккуратный, явно носят его лишь изредка, «на выход». Обращала на себя внимание и папаха, высокая и отменной выделки, мужчина ею, по всему, очень дорожил.

Лет ему было много, но узнай кто, сколько именно – удивился бы. Потому что сто один год, а именно столько исполнилось недавно Соьсбеку, дано прожить не каждому. Да еще так, чтобы сохранить прямую осанку горского мужчины и ясные, замечающие все глаза. И чтобы трость, на которую он опирался, выглядела не подспорьем, а скорее частью чеченского этикета, как борода или папаха.

Соьсбек держался с тем достоинством, которое не дают человеку ни деньги, ни положение: а только горы, в которых он живет.

«Икарус» следовал в Грозный. Женщин, заходящих в автобус, он пропустил впереди себя – и помог подняться тем из них, что выглядели усталыми.

Сам поднялся последним и сел на свободное место, одно из немногих в салоне, рядом с женщиной тоже преклонных лет. Он посмотрел на нее, сначала вскользь, как глядят на случайных попутчиков, затем внимательней. После повернулся к ней и долгое время не сводил с нее взгляда. «Аймани», - вдруг произнес вслух ее имя. Он не

спрашивал, не уточнял и не сомневался: интонация была утверждающей. «Соьсбек», - узнала та его в ответ.

Оба голоса, и мужчины и женщины, звучали спокойно – так люди узнают друг друга сегодня, расставшись вчера. И вряд ли кто поверил бы, узнав, что в последний раз эти пожилые горцы виделись ровно восемьдесят лет тому, и больше никогда с тех пор.

Вы спросите: а возможно ли это? Бывает ли так – не в романах, а на самом деле? Я отвечу, но в двух словах это, пожалуй, не получится.

...Это случилось на рубеже столетий. Соьсбек был тогда гордым юношей, влюбленным в прекрасную девушку Аймани - которую он вот-вот попросит стать его женой. Но жизнь, как это бывает нередко, распорядилась иначе.

Впрочем, лучше рассказать обо всем обстоятельно и по порядку...

АЙДАМАР

Всесильное время вольно изменить многое: наделяя равнины садами, связывая дорогами новые города, неуловимо меняя черты лиц людей. Лишь над Горами время почти не имеет власти. Здесь, среди величественных вершин, веками хранящих свое мудрое безмолвие - время останавливается. Словно любясь этой совершенной, суровой красотой, и опасаясь ее хоть в чем-то нарушить.

Все так же гордо высятся вдали крутые склоны; так же смело раскинула свои ветви навстречу всем ветрам дикая слива; столь же стремительно несет свои воды Аргун. «Все совсем такое же, как и в моем далеком детстве», - неспешно думает Айдамар, остановившись на берегу реки. Коня он не привязывал: Сердар свободно вышагивает неподалеку, то склоняя голову к свежей траве – ел не все подряд, выискивал, похоже, самую

вкусную - то замирая неподвижно, как и хозяин, чутко вглядываясь в близкие уже сумерки.

Мысли Айдамара были ясными и четкими. Не потому что вечер выдался красивым, а день удачным: его мысли были такими всегда. Как и подобает горцу, Айдамар жил, не ведая сомнений. «Решая – много думай. Когда решил – делай без колебаний. Сомнения разъедают душу и лишают мужчину напора», - учил его когда-то дядя Магомед. В справедливости этих слов Айдамар, выйдя на просторы взрослой жизни, убеждался многократно.

И тогда, когда начинал свое дело, ныне успешное и отлаженное, как хороший хронометр; и когда наставлял своих любимых детей; и разбирая нехитрые споры односельчан – ведь за советом они всегда шли к нему, Айдамару, дружно признав за ним право решать по-справедливости.

Это право – он понимал - стоило дорогого. Гордые, независимые, своенравные чеченцы никогда не ставили никого выше себя; и очень редко признавали хоть кого-то из соплеменников достойным давать остальным мудрые советы. Айдамар стал таким: и стал не по тому праву, которое дает человеку богатство. Это там, за Тереком, на просторах чуждой чеченцам Империи, золотые монеты решали многое. Здесь же деньги были только возможностью: достойно вырастить своих детей, помочь многочисленным родственникам, или накрыть всему селу обильный стол к праздникам.

Право аксакала Айдамар обрел даже и не по возрасту: в его усы, густые, цвета темной меди, еще не закралась седина прожитых лет. Это право он получил по жизни. С юных лет неукоснительно соблюдая все обычаи и законы предков - к зрелости он удостоился чести эти обычаи трактовать.

Обязанность решать по-справедливости никогда не была ему в тягость: напротив, каждое примирение

повздоровивших сельчан, в котором Айдамар принимал участие – наполняло его сердце чистой радостью. «Тепло пожатой руки всякий раз пусть немножко, но согревает наш мир – тогда как тепло пролитой крови лишь накаляет его злобой и новыми обидами»: он любил произносить эти слова, и они всегда звучали проникновенно и с полной уверенностью.

А как человек любознательный и знающий немало о законах иных стран, Айдамар не уставал удивляться одному очевидному противоречию: «Почему столько толстых томов наполнено российскими законами – а на улицах их городов каждодневно нарушаются едва ли не они все? Тогда как все возможные запреты у нас, чеченцев, легко вмещает одна лишь тонкая тетрадка – зато и преступают люди эти запреты крайне редко?»

И однажды понял для себя твердо: дело вовсе не в количестве законов, а только в строгости их соблюдения. Только тогда слово «обычай» наполняется своим высоким смыслом, когда эти обычаи обязательны и непреложны для каждого.

Чуть улыбнувшись в усы, Айдамар потрепал по холке подошедшего коня: «Все в порядке, друг. Я люблю тебя по-прежнему». И залюбовался закатом. Таким красивым он бывает, наверное, только здесь: уходящее солнце напоследок одарило горы волшебной игрой красок. Быстрые воды Аргуна струились с ровным, успокаивающим шумом: это там, ниже по течению, они вольются в равнинную Сунжу и замедлятся – а родное село Айдамара, Новые Атаги, река миновала стремительно, будто торопилась успеть к какой-то важной, одной лишь ей ведомой цели.

Айдамар стоял на самом берегу и был задумчив. «Почему сегодня все мои мысли о спорах и тяжбах?» – спросил вдруг себя. Спросил вслух: словно покати́л свой вопрос по склону, прямо к вершинам гор, знающих все...

А так как был всегда честным не только перед другими, но и перед собой самим – то тут же и ответил: «Да потому что в сегодняшнем решении о сватовстве не все так просто». И тихо вздохнул. Без горечи, без чувства нарушенной справедливости: нет, решение принято верное, сомнений никаких. Что же мешает тому полному спокойствию, той безмятежной уверенности, что всегда приходила к Айдамару в таких случаях?

И он еще раз попробовал вспомнить все подробности этой истории.

Началась она много лет тому назад, и началась трагично. В одном из домов, на самой окраине села, гуляли свадьбу. Праздновали по-чеченски, как положено, с размахом. Поздравить односельчан пришли едва ли не все Новые Атаги в полном составе, просторный двор с трудом вместил гостей. Ближе к вечеру, когда были сказаны все положенные к случаю добрые слова и съедены угощения – все вышли на улицу и стали радостно палить из ружей.

Свадебный салют – это нормально, так принято и так было заведено веками, да и стреляли в воздух, но тут случилась беда. Один из гостей споткнулся, ствол ружья в момент выстрела сменил направление, и пуля нашла человека. Видно, такой исход его судьба готовила всерьез: потому что железный шмель попал не куда-то еще, а прямо в сердце. Несчастный умер мгновенно, раньше чем успели погаснуть улыбки на лицах остальных гостей.

И все поменялось в мгновение ока. О празднике уже не вспоминали, руки родственников погибшего сжались в кулаки; а в их глазах заплясали зловещие отсветы – отсветы обычая такого же древнего, как и сами горы. Кровная месть! Взавший жизнь – да ответит своей жизнью. Не найдут его самого – тогда ответит старший мужчина из рода обидчика. А за него потом станет мстить уже его тейп: и так воцарится вражда, способная тянуться столетиями...

Айдамар, как истинный горец, как чеченец по крови, понимал и принимал сокровенный смысл этого сурового обычая. Да, кровная месть помогала чеченцам выжить как народу – не оставляя без ответа ни одну нанесенную им обиду. Но все же каждый раз, когда удавалось договориться как-то по-другому: и вместо отнятой жизни обидчика тейп убитого принимал другую форму возмещения – он радовался как ребенок: «Нас, чеченцев, и так немного на белом свете – слава Аллаху, что теперь не станет еще меньше!»

Нет, конечно же, избежать кровной мести можно далеко не всегда. Если убийство было преднамеренным, коварным или корыстным, излишне жестоким – тогда ее исполнение это священный долг для всех мужчин из рода убитого. И пока этот долг не будет выплачен – за ними станут внимательно следить не только все односельчане, но и чеченцы из других тейпов. А обида, которая так и не была смыта кровью, ложится на родственников погибшего пятном несмываемого позора. «Труссы!» - скажут люди. И нет для чеченца оскорбления страшнее чем это.

Но тогда, на этой злополучной свадьбе, все случилось иначе. Чисто несчастный случай: а в такой ситуации все зависело уже от того, как договорятся обидчики с родней убитого.

Представлять на переговорах родственников неудачливого стрелка попросили Айдамара. И со своей задачей – не довести дело до крови – он справился блестяще.

К дому убитого они шли долго и смиренно. И Айдамар, и все старшие из рода обидчика были, как велит обычай, с непокрытыми головами: в знак признания своей вины. Уже у самого дома постояли в молчании, ожидая, когда им отопрут. Створки ворот могли остаться и закрытыми: тогда это означало бы отказ от примирения (и кровную месть). Но спустя несколько минут ворота открылись, и

все прошли во двор.

Дальше была речь Айдамара, обращенная к родственникам погибшего. Он не любил вспоминать подробности, важно другое: нужные слова он сумел найти. Суровые лица разгладились, решимость мстить сменилась простой человеческой печалью: примирение состоялось. А когда уже зарезали обязательных в таком случае баранов, Расул, один из старейшин рода убитого, напомнил всем присутствующим о «праве простившего».

Этот обычай в разные времена толковали неодинаково, однако признавали его все. Суть «права простившего» - это возможность обратиться к роду обидчика с просьбой, в исполнении которой не будет отказано. Просьба эта может быть озвучена и спустя столетие: «право простившего» не имеет срока давности. Просить можно решительно обо всем - если только речь не идет о кровопролитии.

Обычай этот был не слишком востребован: применялся не всегда, даже и помнили его далеко не все. Поэтому просители, достигшие своей главной цели, с облегчением согласились. А вот Айдар еще тогда отметил, как вдруг усиленно забилося его сердце: будто предвещая, что прозвучавшее сейчас, полузабытое «право простившего» еще найдет случай войти в его жизнь...

Два десятка лет минуло с той поры. Молодой чеченец Имран, неумышленно оборвавший жизнь односельчанина, давно возмужал и завел семью. Любимая жена родила ему детей. Одна из дочерей, Аймани, уже успела вырасти и стала настоящей чеченской красавицей. Слава о девушке с удивительно стройным станом, роскошной косой и глазами лани вышла далеко за пределы родного села: и вот сегодня к ее родителям пришли свататься из самого Урус-Мартана.

А когда родители невесты не стали спешить с положительным ответом – им напомнили о том самом «праве простившего». Не забыв при этом пригласить – на

всякий случай - и Айдамара. Так спустя долгих двадцать лет прозвучало эхо того давнего выстрела...

Что же, чеченские обычаи святы. Адаты непреложны. Конечно же, сватам ответили согласием. С этого момента судьба красавицы Аймани была решена: и Айдар сам скрепил рукопожатием договоренность сторон. Все было и по закону, и по справедливости. Отчего же тогда так ноет сердце? Прежде никогда не болевшее, оно как будто укоряет его, Айдамара, в каком-то не самом правильном поступке. Или ошибке, что была только что неосмотрительно допущена...

Айдар поймал себя на том, что продолжает гладить Сердара. Тот стоял замерев, ловил каждое движение хозяина и лишь изредка прядал ушами. Сумерки сгустились, уже почти наступила теплая летняя ночь. Аргун, теперь невидимый, давал знать о себе разве что плеском волн.

Еще раз все взвесив, Айдар не нашел в своих действиях ни одного ложного шага. Расправил плечи, потрянул головой – и перестал думать о случившемся. Он жил так всегда, как волк на следу: думая о главном и не отвлекаясь на остальное. «Все сделано правильно, а значит – пусть дальше будет, как будет». Он вскочил в седло. Скакун приветствовал его коротким ржанием и помчал сквозь ночь к селу, к родному дому.

Айдар уже не увидел, как вслед ему по небосклону грустно скатилась звезда: одинокая как неразделенное чувство. Она канула в небесную тьму совсем беззвучно: вокруг стояла густая ночная тишина...

СОБСБЕК.

Он сидел на берегу реки, слушая пение птиц. Расслабиться после дня, наполненного честной мужской работой, было нетрудно: для этого ему достаточно просто устремить все свои мысли к Ней. К той единственной,

прекрасной и такой желанной девушке, без которой он попросту не представлял своей жизни. К Аймани.

Соьсбек это и сделал, и сейчас отдыхал, радуя свой мысленный взор образом любимой. Она и сама должна была уже прийти к этому времени: но отчего-то запаздывала. Соьсбек заприметил на другом берегу Аргуна камень, на который обычно присаживалась Аймани. Валун, чьи грани были давно сглажены ветрами, казалось, принес сюда какой-то сказочный горный великан – таким большим он был. Конечно же, принес для Аймани: все в этом мире было для Аймани, Соьсбек даже не сомневался в этом, потому что и сам жил только мыслями о ней.

О том, что творилось в душе юноши, не догадывался никто. У чеченцев не принято открыто проявлять свои чувства – и Соьсбек хранил свою романтическую тайну тщательно. Особенно от человека, добрым отношением которого он дорожил, пожалуй, больше всего на свете, от Айдамара.

Дядю и племянника связывало то поразительно глубокое, пожалуй, никому кроме чеченцев не свойственное родство, что соединяет сына с братом его отца. Своими истоками оно уходит в глубину тех времен, когда суровая жизнь горцев часто оглашалась звоном сабель и треском выстрелов. Чеченский мужчина никогда не уклонялся от схватки, в бою, случалось, складывал голову: и тогда заботу о маленьких чеченцах, оставшихся без отца, принимал на себя его брат. К племянникам дядя относился с тем трогательным теплом, которое не всегда мог себе позволить даже и по отношению к родным детям. Так оно было заведено, и так длилось столетиями.

Отец Соьсбека, Шат1а, рано ушел из жизни. Неведомый, но страшный недуг освободил его душу от тела в считанные дни. Заботу об осиротевшем Соьсбеке, совсем еще мальчишке, принял на себя его дядя. И юный

чеченец в своих молитвах искренне благодарил Аллаха за то, что его воспитателем оказался именно Айдамар.

Конечно же, совсем не потому, что семья дяди жила в достатке, и сам Соьсбек никогда ни в чем не нуждался. Ему многое и не было- то нужно: разве что ломоть хлеба да кувшин холодной воды. Но зато все богатства мира Соьсбек был готов отдать за каждый из тех вечеров, когда Айдамар рассказывал ему о Жизни...

Это были не сказки: у чеченцев вообще мало сказок, и рассказывают они их не слишком охотно, вымысел он и есть вымысел. Это были легенды и предания: как из совсем далеких времен, так и сравнительно недавних. Особенно любил Соьсбек слушать истории событий Столетней Войны, давшей родной Нохчи-Чоь столько славных героев. Самые яркие из преданий не только произвели на него глубокое впечатление – они остались в его памяти навсегда.

Айдамар рассказывал их долгими зимними вечерами; вернувшись с фермы, отужинав и протянув уставшие ноги к очагу. Ровное, размеренное гудение огня перекрывало шум ветра за окнами и наполняло дом теплом и уютом. Разгладив густые усы (предмет своей особой, но тайной гордости), дядя собирался с мыслями и приступал.

Даже спустя много лет, уже сделавшись зрелым мужчиной, Соьсбек мог почти дословно пересказать эти легенды. А некоторые места в них он любил особенно: повторяя их себе в трудные моменты своей собственной жизни.

Одно из преданий было об отважном Байсангуре.

«Просто героев в истории нашего народа множество, великих героев тоже немало. Но величайший из всех один. И знаешь, почему это Байсангур? Я расскажу тебе.

Да, он умел побеждать врагов в честной схватке. Но

это умели и другие. Да, он мог выйти победителем даже из такого боя, где силы противника превосходили втрое. Но и в такой доблести он не единственный: воинам нохчо не привыкать сражаться в одиночку против многих.

Но только один Байсангур Беноевский сумел и смог одолеть даже самого себя: силой своего неукротимого духа он победил свое собственное тело!

Бренное и уязвимое, как и у всех смертных, тело подводило его трижды. Первый раз, еще молодым абреком, он потерял в бою глаз. На что только рассмеялся и сказал кунакам: «Чтобы точно прицелиться во врага, воину достаточно и одного глаза». Второй раз – в сражении с казаками – он был ранен в руку. Рана оказалась глубокой. Руку пришлось отнять. «Чтобы крепко держать шашку, мне с избытком хватит и одной руки», - были на это слова Байсангура.

Третья, самая страшная, утрата казалось бы, должна навсегда превратить героя в немого калеку: пушечным ядром ему оторвало ногу. Но Байсангур не истек кровью, не сдался в плен тем диким болям, что отныне терзали его неустанно, и не смирился духом. А слова, сказанные им на этот раз, были такими: «Если воин, оставшись без ноги, не может идти сам – то к врагу его понесет верный скакун».

И Байсангур жил так, как и сказал: его единственный глаз был острым как у сокола, единственная рука сжимала шашку крепко и владела ею мастерски; а к боевому коню Байсангура привязывали соратники: и тот мчал его в самую гущу схватки.

Из жизни Байсангур тоже ушел как великий герой: и как под силу немногим.

Когда его, плененного и связанного, везли к виселице в Хасав-Юрте, Байсангур свирепо сверкал своим единственным глазом на конвоиров – и подмигивал

ободряюще тем землякам, кто пришел проститься с героем.

А ловушку, поставленную царскими властями напоследок – он обошел играючи. Врагам мало было лишить героя жизни: они еще и хотели сделать это коварно и подло. Поэтому объявили пришедшим на казнь горцам о большой денежной премии: которую тут же, на месте казни, выплатят тому, кто выбьет из-под ног Байсангура табуретку.

Так они хотели посеять вражду между горскими народами. Исполнитель был подкуплен и подготовлен ими заранее, все, казалось бы, было предreshено.

Но герой расстроил эти планы: он не стал дожидаться предателя, и сам спрыгнул с табурета с петлей на шее. Я уверен: он прыгнул прямо в Джанну, где воинские почести будут воздаваться ему вечно!..»

Слушая о Байсангуре, Соьсбек всегда сидел замороженно, боясь даже громко дышать. Но однажды не смог одолеть жгучее любопытство и спросил дядю. Спросил, понимая, что вопрос задает не самый простой: «А правда ли, что сдавшийся русским, предводитель горцев Шамиль, верным соратником которому был Байсангур, повел себя так, как не должен вести себя мужчина?»

«И да и нет», - ответил на это Айдамар, - «не удивляйся, так бывает. Действительно, для многих из тех, кто воевал рядом, он стал предателем, когда сдался: это правда. Они так и не смогли принять того, что враг все-таки победил.

А вот кем он был для нас с тобой? Знаешь, Шамиль ведь был умным, очень умным, и понимал тогда очень хорошо: если не сдать сегодня – то завтра имперские полчища вырежут всех чеченцев под корень. До последнего человека. Выхода у них другого не оставалось, а сил для этого хватало. И то, что сделал Шамиль, он сделал не для спасения собственной жизни: ведь ее он без жалости

ставил на кон множество раз, в каждом сражении. Он сделал это, спасая будущее горских народов! И по-своему, я так думаю, это далось ему тоже нелегко: ведь он знал, что героические песни потомки сложат о Байсангуре – но о Шамиле в них петь не станут.

Я расскажу тебе еще и то, что знают не все. Когда Шамиль уже шел сдаваться русским, Байсангур остался вместе с героями, они решили сражаться до конца. И Байсангур окликнул идущего к врагам Шамиля, причем сделал это трижды: но тот так и не повернулся. Знаешь, почему?»

«Потому что Байсангур хотел остановить его пулей – но Шамиль хорошо знал, чеченец никогда не выстрелит в спину, вот и не повернул головы», - мальчик ответил Айдамару правильно.

Дядя рассказывал Соьсбеку и о Бено, героическом предке, имя которого носит их тейп, Беной. И о его славном сыне Мюзи: отдавшем борьбе чеченцев за свободу и свою жизнь, и жизни всех своих семи сыновей. Сказание же о Забри, бесстрашной жене Мюзи, Соьсбек любил особенно, восторженно замирая под мерный рокот слов Айдамара:

«...Все вести, что их несет людям война, печальны. Один за другим угасали путеводные огоньки ее судьбы, жизни ее любимых сыновей. Сразу четверых Забри потеряла в одном, роковом сражении: врагов было много больше, и напали они внезапно. Пятый был убит не почеченски, коварно, выстрелом в спину. Шестой умер со счастливой улыбкой на устах: забрав с собой множество противников. И вот сейчас, когда раздался стук в дверь дома, материнское сердце подсказало: «Нет больше на свете и последнего, самого младшего сына».

Русские ввалились целой гурьбой, словно страшась появляться в одиночку. Гогоча, показали ей холщовый мешок, вывернули прямо ей под ноги. Из мешка

выкатилась голова грозного джигита, которого она помнила нежным младенцем. «Смотри, женщина, как закончил свой жизненный путь твой сын!» - сказал их офицер, и посмотрел на нее пристально. По всему, ждал от матери слез и причитаний: для этого ведь и пришли. Внутри все сжалось, мир вокруг завертелся. Преодолев подступившую слабость, Забри поднялась на ноги – и сделала то, от чего у врагов отвалились челюсти. Она что есть силы пнула ногой голову любимого сына, а затем произнесла чужим, металлическим голосом: «Так ведь я его для этого и родила! Или вы хотели, чтобы он умер в постели он насморка?»

В наступившей тишине было слышно даже жужжание мухи на оконном стекле. Ошарашенные враги ушли, так и не найдя достойных слов в ответ. А Забри – осиротевшая Забри - склонилась над головой сына. Погладила его черные как смоль волосы, провела ладонью по лицу, словно хотела лучше запомнить дорогие ее сердцу черты. Слезы, которые могли бы дать облегчение, так и не полились из ее глаз...»

«Пока наши матери рожают таких сыновей», - закончил свой рассказ Айдамар, - «и пока у наших сыновей есть такие матери – мы, чеченцы, непобедимы!».

Со временем Соьсбек стал понимать: эти вечерние беседы – вовсе не попытки дяди занять чем-то досуг племянника. Это важная часть воспитания «нохчалла», кодекса чести, которому должен неукоснительно следовать каждый настоящий чеченский мужчина. Просто излагать нохчалла в назидательной форме это одно; а вот учить ему на ярких, живых и убедительных примерах – совсем другое.

Каждую поведенную ему историю Соьсбек впитывал жадно, с горящими глазами; и у Айдамара не было и малейших сомнений в том, что мальчик, сын его так рано ушедшего брата, растет настоящим мужчиной.

Между тем жизнь шла своим чередом.

Помогать дяде по хозяйству Соьсбек старался с того самого дня, когда смог впервые дотянуться своими еще детскими руками до седла. Обьезжать просторные пастбища, по которым степенно расхаживали буйволы Айдамара, стало для него не просто добровольной обязанностью, но и искренним удовольствием. С рассветом вылетал он в поле на одном из двух своих скакунов, гордых ахалтекинцев, которых любил всем сердцем. К обоим, и снежно-белому, и черному как смоль, он относился как к близким друзьям; заботился о них больше чем о себе самом – и даже разговаривал с ними, заходя вечером в стойло с торбой отборного овса. Соьсбек верил, что кони не только слышат его, но и понимают.

Красавцы-скакуны отвечали ему взаимностью: Соьсбека они всякий раз встречали радостным ржанием, а никому другому даже не давали себя оседлать. Буйволов с огромными острыми рогами кони не опасались нисколько: впрочем, ему казалось, что они не боятся вообще ничего на всем белом свете. Даже когда в Дальнем Ущелье Соьсбек нарвался на волчью засаду, конь – тогда под ним белый – вел себя без страха.

Об этой истории Соьс (так звали мальчика родные и близкие ему люди) не рассказывал никому. Лишь на склоне лет, когда виски уже тронуло благородное серебро, он поведал о ней внукам. А сейчас это была его – и только его – тайна.

Это случилось на исходе зимы: когда все живое в горах, изголодавшись и намерзнувшись за долгие холодные месяцы, так отчаянно ждало первого тепла. Соьсбек отправился в один из аулов высокогорья, вез весточку родственникам Айдамара.

Волки поставили засаду грамотно; наверное, и сам Байсангур не придумал бы лучше. Они встретили его на

повороте дороги, там где она становится совсем узкой: даже двум встречным всадникам не разминуться. С одной стороны тропы был крутой склон горы, с другой глубокая пропасть. По три зверя вышли на дорогу впереди, преграждая путь к аулу, и сзади – отрезая отступление. Самый крупный волк, вожак стаи, восседал на крутогоре над дорогой, как полководец перед сражением. Бежать было некуда.

Соьсбек не испугался, лишь одна мысль омрачила его чело. Было жаль родную сестренку Хижан; она еще совсем маленькая и, конечно же, станет о нем плакать; и брата Арсбека, его ровесника (и родного сына Айдамара). Но уронить честь рода он не собирался: и схватку принял без колебаний.

Соьсбек действовал легко и решительно: кровь народа-воина побежала в его жилах быстрее. Спешившись с коня, он ободрил того, потрепав по холке – «держись, друг!» - вынул из ножен длинный кинжал дамасской работы (подарок Айдамара), и стал на самом краю пропасти, спиной к ней. Для того чтобы достать его здесь, волкам теперь надо было тоже приблизиться к обрыву вплотную.

Звери стояли неподвижно: ждали команды вожака. «Прямо как абреки и их бек», - мелькнуло в голове Соьсбека. Вожак стаи спустился по склону неторопливо, словно понимая, что теперь все в его власти. Соьсбек лишь сейчас разглядел, насколько он все-таки огромен; прежде он даже не думал, что волки бывают такими большими.

Крупное тело вожака покрывала серая, с сединой, шерсть; голова размером была почти как у буйвола. В холке зверь был лишь немногим ниже его самого: а среди своих сверстников в селе Соьсбек считался самым рослым. Когда волк оскалился, стали видны острые клыки.

«Это сколько же раз им надо было обогреться кровью жертв, пока волк не стал таким великаном?», - Соьсбек

был напряжен, но спокоен. Кинжал в его руке не уступал волчьим клыкам ни в остроте, ни в размерах. А тринадцать его неполных лет – чем это не возраст для горца-воина?..

Конь рядом с ним бил копытом о землю, но не в страхе: Соьсбек знал, так он ведет себя перед боем.

Вожак приблизился на расстояние нескольких шагов, остановился, широко расставив передние лапы, и неподвижно уставился прямо на Соьсбека. Неожиданно мальчик понял, что глаза волка пронзительно-синего цвета, а не серые, как у всех его сородичей. И еще они были – Соьс готов был в этом поклясться – умными. Волк словно бы ждал, что ему скажут напоследок мальчик и его конь: этот славный ужин, что сейчас ждет его оголодавшую стаю.

И Соьсбек неожиданно для себя вдруг заговорил. Слова он подбирал тщательно, так говорил бы с достойным противником перед смертельной схваткой, в голосе звучало уважение: «Ты все сделал правильно, серый, ты охотишься как настоящий абрек. Я и сам не устроил бы засаду лучше. Вот только ужина тебе все равно не видать. Ты умный волк, спору нет. Но я человек. И я чеченец. Потому будет, как я сказал.

Суди сам: я стою на краю пропасти. В моей руке добрый кинжал, а прямо за моей спиной бездна – куда я увлеку за собой столько твоих сородичей, сколько смогу и успею. Так что вкус нашего мяса, моего и коня, вам не узнать, а вот свои волчьи жизни вы сложить можете.

Не проще вам будет дожидаться жертву полегче, косую или пару жирных зайцев? Впрочем, решай сам, а я все сказал», - и Соьсбек замер, готовый к предстоящей схватке.

Зверь слушал его слова, как будто понимал каждое. Чуть покачивал огромной головой, изредка шевелил правым ухом. Высился при этом неподвижно, как утес. В какой-

то момент Соьобеку показалось, что синева волчьих глаз колыхнулась. В ней друг за другом сменялись внимание, одобрение, сожаление. А затем в небесной синеве вдруг мелькнула смешинка: Соьсбек даже вздрогнул – таким невероятным это выглядело. Вожак что-то прорычал в ответ, но не угрожающе, нет: скорее примирительно. Еще какое-то время его глаза пристально смотрели на дерзкого человека, затем зверь резко мотнул головой и удалился. Разочарованный вой стаи он оборвал одним рыком, после чего остальные волки послушно двинулись вслед за ним.

Соьсбек еще долго стоял на краю дороги, прижавшись к коню. Тот немного дрожал: что же, теперь, после всего, это было можно.

Затем Соьсбек вскочил в седло, и к вечеру они были уже в селе. Ни там, ни в доме Айдамара, куда вернулся наутро, он ничего и никому не стал рассказывать. Все равно ведь в дружбу между волком и человеком, так удивительно родившуюся сегодня, никто бы не поверил...

Да и была она слишком необычной, чтобы об этом рассказывать. С того дня Соьсбек бывал на этом месте всякий раз, когда получалось выбраться. Почти всегда – словно чуя его приход – появлялся и волк. Соьсбек назвал его, не особо ломая голову над именем, просто «Борз»: волк он и есть волк. Зверь имя принял, отзывался на него, гордо вскидывая лобастую голову.

Если бы кто увидел эти их встречи, то назвал бы их странными. И был бы прав. Соьсбек усаживался на валун, нависший над дорогой; чуть погодя из чащи неслышно появлялся Борз и устраивался неподалеку. Он был рядом, на расстоянии вытянутой руки: но у Соьсбека не возникало даже и мысли унижить его своим прикосновением, погладив, как люди гладят собаку. Какое-то время они уважительно молчали, затем Соьсбек принимался рассказывать свои новости, а Борз слушал.

Иногда и он что-то негромко урчал: верно, пытался поведать о своем, волчьем. У них не было языка, понятного для обоих, но это не мешало им понимать друг друга как нельзя лучше. Подчас Соьсбеку даже казалось, что когда-то давно, в незапамятные времена, у людей и волков были общие предки: а иначе как они с Борзом смогли бы разговаривать?

Эта молчаливая дружба человека и волка длилась долгие годы. Со временем подросток стал статным юношей, а роскошная шерсть Борза высветлилась, столько в ней появилось седых волос.

И нет ничего удивительного в том, что именно Борзу – первому и единственному из всех – Соьсбек рассказал об Аймани: почти сразу после того как с ней познакомился. Волк слушал о девушке внимательно, одобрительно качал головой, и всякий раз, когда слышал имя «Аймани», в его синих глазах вспыхивала добрая смешинка: «а, это та девушка, что без единого выстрела пленила сердце бесстрашного воина?..» И мудро замолкал в знак полного понимания и поддержки...

...Вечер готовился уступить свои права ночи. Пение птиц понемногу стихло. Аргун катил свои воды устало, но все так же стремительно: не пристало горной речке быть тихой. Соьсбек поежился, но не от холода: «Почему вдруг ожили все эти воспоминания – безмятежные годы детства, рассказы дяди о Байсангуре и Забри, верные скакуны, дружище Борз? Уж не потому ли, что Аймани так и не пришла? Тогда как это все между собой связано?..»

Соьсбек обратил взгляд к небу, там одна за другой зажигались звезды. Он знал – каждая такая звезда это чей-то очаг, согревающий дом кого-то из далеких звездных жителей. Однажды он, Соьсбек, тоже сядет за стол у очага родного дома: очага, огонь в котором будет поддерживать Аймани.

А сейчас пора было возвращаться к дому Айдамара. Тот никогда не высказывал свое беспокойство, когда Соьсбека подолгу не было, мужчине это не пристало; но внутренне он все равно волновался, юноша знал это точно.

Соьсбек бросил прощальный взгляд на другой берег Аргуна. Камень Аймани по-прежнему пуст: девушка не пришла, и сегодня ее уже не будет. В этом нет ничего особенного – раньше так уже случалось. Наверное, Аймани позвали помочь по хозяйству, или посидеть с одной из занемогших бабушек, да мало ли!.. Но неясная, безотчетная тревога наполнила его душу каким-то странным холодом.

Тряхнув светловолосой головой, Соьсбек прогнал оторопь и направился к дядиному дому, где – он видел это даже отсюда – так уютно светились окна. Там его ждал поздний ужин, радушные хлопоты родичей и тепло улыбки Айдамара. А с Аймани он обязательно увидится, только уже завтра!

АЙМАНИ

Она притаилась под яблоней, на самой окраине села. Просто неслышно стояла, приклонившись к стволу дерева и обняв его руками. Отсюда было рукой подать до Аргуна, на другом берегу которого, она знала, ждет дорогой ее сердцу Соьсбек.

Но выйти к нему сегодня она не могла. И теперь уже никогда больше не сможет: ведь в этот день Аймани сосватали; а завтра ее увезут в чужой дом, знакомиться с родственниками будущего мужа. Увезут навсегда.

Девушка онемела от горя, тем более тяжкого, что пришло оно внезапно. Еще вчера они с Соьсбеком разговаривали: как и положено молодым чеченцам, стоя неподалеку друг от друга, но не рядом: Аймани была на одном берегу Аргуна, Соьсбек – на противоположном,

на котором раскинулось их родное село, Новые Атаги. Расстояние им не мешало – юноше и девушке достаточно было видеть и слышать друг друга. Иногда Аймани присаживалась на тот большой валун, у которого они встречались – он служил им ориентиром на пустынном берегу реки.

За несколько тех лет, что они знали друг друга, камень стал таким привычным, таким обязательным участником их встреч, что Соьсбек иногда шутил: «Этот валун, наверное, однажды станет самым большим камнем в чьем-то семейном очаге: и счастливой будет та семья, чей дом этот очаг наполнит теплом и уютом».

Аймани, девушка остроумная и быстрая на язык, не оставалась в долгу: «Судя по размеру камня, в этом очаге можно будет легко зажарить целиком быка на вертеле, а в доме, поместившем такой очаг – смогут жить все Новые Атаги, вместе взятые».

И они смеялись, легко и счастливо, как и пристало влюбленной в жизнь молодости. А в душе оба торопили тот благословенный день, когда река больше не будет отделять их друг от друга. Смеялись и торопили время, еще не зная, что у всесильной Судьбы на их счет – совсем другие планы...

От самого рождения Аймани был присущ ум острый и пытливый. Еще маленькой девочкой она нередко ставила родных в тупик, задавая им недетские, порой такие неудобные вопросы. Один из них заставил задуматься дедушку Анди, долго перебиравшего в поисках ответа свою густую седую бороду.

«А отчего у нас так мало сказок, зато так много преданий о героях?», - вот сейчас дедушка ей объяснит, ведь он знает все.

«Это потому, что у народа нохчи на самом деле много героев», - наконец отвечал Анди, - «и пока на наши горы

заглядываются враги – герои не вложат свои сабли в ножны. Вот после, когда тишину перестанет нарушать звон оружия, и вокруг мы услышим лишь пение птиц – тогда герои смогут отдохнуть, и у них появится время, чтобы придумать новые сказки».

Прошло несколько лет, и другой вопрос, который Аймани задала матери, был уже не о сказках.

«Вот скажи, нана», - донимала она маму в тот день, когда приехали сватать ее сестру, красавицу Петимат, - «я понимаю жениха Лечи: он увидел нашу Петимат на свадьбе у Вахи и влюбился в нее. А кто бы не влюбился? Но ведь сама Петимат, она даже и не видела его как следует. А сегодня ее сватают, и все наши согласились уже, и скоро она станет жить с Лечи и поддерживать очаг в его доме. А как же тогда любовь, о которой так красиво рассказывают илланчи? Разве Петимат не должна ответить своей любовью на любовь Лечи?»

Мама сначала растерянно молчала, затем сердилась, не найдясь с быстрым ответом, а после с широкой улыбкой усаживалась рядом, и оглядевшись вокруг – нет ли кого – принималась нежно гладить дочь по любопытной головке.

«Легенды и предания, конечно, красивы. Потому и рассказываем их столетиями, передавая из поколения в поколение истории любви смелых героев и гордых красавиц. Но наша обычная жизнь устроена немного иначе. В ней благо всего рода много выше радости отдельного человека. Если что-то нужно всем остальным, то настоящий чеченец должен забыть о себе самом и сделать это».

«Мама, а как же тогда счастье? Разве не для того человек и появляется на свет, чтобы стать счастливым?» - «Счастье, дочка, оно тоже бывает разное. И счастье любить того человека, к которому потянется девичье сердце – достается не каждому. Зато есть еще счастье,

доступное любому: это научиться быть счастливым, делая добро своим родным и близким. И в каждодневных, простых вещах, и в серьезных поступках, и даже в решениях, меняющих всю нашу дальнейшую жизнь. Иногда это – трудное счастье», - вдруг признала она со вздохом.

Аймани послушно кивала головой, принимая объяснение мамы, но в душе ей почему-то было было жаль Петимат; а еще она искренне желала жениху Лечи стать истинным героем, достойным ее замечательной сестренки.

Также Аймани очень любила бывать в доме одной женщины, жившей на самой окраине села. Той было не просто много лет, а далеко за сто, прожить столько удается мало кому из людей.

Все так и звали ее – «Нана» – словно признавая ее старшинство, ее право материнского покровительства по отношению к остальным сельчанам. Лицо Наны избороздили глубокие отметины времени: но эти морщины странным образом не портили его. Может быть, потому, что карие глаза Наны с годами совсем не угасли: они светились доброй мудростью и по-прежнему смотрели на мир с любопытством.

О Нане уважительно рассказывали многое, но одна из историй запомнилась Аймани особенно. Ее она услышала не из чужих уст: сама Нана однажды усадила девочку рядом, и поведала ей эти удивительные события давно минувших дней.

« Это было до Великой Войны, полки Империи тогда еще не докатились до гор Нохчи-Чоь: и свою доблесть наши мужчины чаще проявляли не на полях сражений. Для этого служили состязания на праздниках, джигитовки на свадьбах, да и сама обычная жизнь подсказывала горцу всегда держать оружие под рукой и быть готовым к схватке.

Так сложилось, что на то время лучшими во всей Чечне джигитами были признаны Арслан и Бислан, молодые мужчины из двух влиятельных тейпов. Среди всех прочих им не было равных во всем: владении саблей, меткости стрельбы, ловкости и силе в рукопашной схватке – как и в отваге, благородстве и воинской смекалке. Равными были лишь они сами друг другу: ни в чем один не превосходил другого. Даже их лица были похожими, даже их имена, Арслан и Бислан – и те были созвучны...

Соперничество двух молодых нохчо велось во всем и было азартным – но никогда не перерастало во вражду. Это было настоящее чеченское «яхь»: неодолимое стремление стать лучшим из лучших.

А за ходом этого многолетнего поединка ревниво следило недреманное око их многочисленной родни: ведь и Арслан, и Бислан представляли каждый свой тейп, а тейпы эти тоже между собой соперничали.

И надо же было случиться такому, что оба джигита полюбили одну и ту же девушку!

Ты спросишь, как ее звали?», - на этом месте рассказа лицо Наны озарилось широкой и лукавой улыбкой, - «Я уже так стара, как эти горы вокруг, и не помню имя: но зато помню другое. Это сейчас моя кожа напоминает издававший виды бурдюк: а в те годы она была белой и гладкой, как у младенца; в копне моих роскошных волос в пору было вить гнездо аисту, а о моих глазах рассказывали легенды даже в отдаленных аулах.

Самым удивительным было даже не то, что свои мужские чувства обратили ко мне и Арслан, и Бислан: нет - судьба уготовила для них еще одно, воистину невероятное совпадение. Оба они, не ведая друг о друге, посватались ко мне в один и тот самый день! Но мало и этого: обозы со сватами, вошедшие в Новые Атаги с двух разных сторон – встретились прямо посередине нашего села...

Как ты понимаешь, в воздухе запахло грозой. Даже аксакалы, которым тут же рассказали обо всем, и те не знали, что следует делать в этом случае: ведь никогда прежде такого у нас не случалось.

Арслан и Бислан прискакали к своим, стояли друг напротив друга и искали нужные слова. Никто никого не обидел – но обида распирала обоих. Никто не задел ничью честь, но оба почему-то чувствовали себя обесчещенными. Все произошло случайно: это понимали все, кто там был, но в жизни бывают и роковые случайности: это присутствующие тоже понимали. Как понимали и еще одно: победителю близкой схватки не простят этой победы; кровь, готовая сейчас пролиться, неминуемо вызовет ответную кровь. Мужчины обоих уважаемых тейпов станут мстить, и вражда, родившись сегодня, станет тянуться десятилетиями. Вот так мог закончиться тот далекий день в нашем родном селе: но он закончился иначе.

Я тогда была совсем юной. Ты станешь такой уже совсем скоро», - Нана окинула Аймани одобрительным взглядом, - «Но я никогда не была глупой. Понимая, что вот-вот случится непоправимое, я воспользовалась правом, которое даровано чеченской женщине обычаями нашего народа.

Ты о нем знаешь: чтобы предотвратить кровь, женщина может бросить под ноги мужчинам, готовым к схватке, свой платок. Этим правом мы пользуемся крайне редко: мужчины лучше знают, вынимать ли им сабли из ножен, и женщинам негоже им мешать. Но тогда по-другому поступить было нельзя.

Из дома я не шла, а бежала что было сил. И успела. Слова я не искала: они родились сами: «Отважный Арслан. Смелый Бислан. То, что вы остановили свой выбор на мне, простой девушке – честь и для меня самой, и для всего моего рода. Но последнее, чего я хотела

бы: это чтобы оказанная мне честь обагрилась кровью. Невинной кровью, ведь никто из вас не хотел обидеть другого.

Да вы взгляните внимательно друг на друга – ведь вы похожи совсем как родные братья. А пристало ли братьям обращать оружие друг против друга?..

Арслан и Бислан, коварная судьба сегодня хотела посмеяться над всеми нами. Она подстроила все так мастерски, что и сам шайтан может позавидовать. Но я знаю, что вы оба настоящие мужчины, и дадите судьбе достойный ответ: единственно верный ответ. Вы не будете драться. Не станете таить зло. Вы помиритесь здесь и сейчас - вы посмеетесь над ней сами! И об этом поступке великих джигитов, не только отважных, но и мудрых, наши потомки станут рассказывать легенды».

Я так сказала, и слова падали в полной тишине. А чтобы все получилось наверняка – я бросила к их ногам свой платок. Ты знаешь, как должны повести себя мужчины в этом случае.

Волосы мои рассыпались по плечам; все, кто только был на улице, стыдливо отвели глаза в сторону – как и велят наши обычаи...

Первыми загомонили старики; их поддержали сваты, а затем и все прочие. Общий гул был неразличимым, но явно одобрительным. Руки джигитов, крепко сжатые в кулаки, расслабились. В общем, у меня все получилось! А к вечеру Арслан и Бислан уже сидели вместе со всеми за одним общим столом, скрепляя примирение дружеской беседой.

Ты сейчас, наверное, хочешь спросить, за кого из них я все-таки вышла замуж?», - тут Нана громко рассмеялась, сверкнув глазами совсем по-молодому, - «Я вышла замуж спустя ровно год, за плотника Лему из нашего же села. Он не водил отряды в бой, не рубил шашкой вражеские

головы. Он был просто добрым и достойным человеком – мужчиной, которого я полюбила.

Кстати, мой выбор не вызвал обид ни со стороны Арслана, ни Бислана. Для них самым важным было то, что я не предпочла одного из них другому. Мужчины, что с них возьмешь?

Вот так, моя девочка, оно иногда случается в нашей жизни», - завершив свой рассказ, Нана устало смолкла и словно разом постарела, вернувшись из своей славной молодости, куда смогла заглянуть лишь на мгновение...

Она подбросила дров в очаг. Огонь в этом легендарном очаге, Аймани знала это точно, не угасал ни на минуту вот уже почти столетие: его поддерживала Нана, с того самого дня как вышла замуж. Эту традицию – поддерживать огонь в очаге - чтили не все чеченцы, ведь ее истоки ведут к далеким временам язычества, а вайнахские народы уже давно приняли ислам. Но Нана блюла ее свято: в ее доме женщина, как ей и надлежит, всегда оставалась Матерью Огня.

Аймани с уважением наблюдала за неверными уже движениями рук Наны (все же сто двадцать лет от роду!), понимая: огонь в этом очаге угаснет лишь тогда, когда перестанет биться сердце хозяйки дома...

Было бы неверным думать, что сюда, к Нане, Аймани приходила лишь послушать увлекательные истории. Ею двигало прежде всего желание помочь: и большую часть времени она неустанно хлопотала по хозяйству. Тем более жизнь распорядилась так, что родственников у Наны почти не осталось, а те что уцелели, жили далеко отсюда. Любимый же муж, Лема, ушел из жизни, как говорила Нана, «совсем молодым», - ему было всего девяносто.

Так они и сблизились: подрастающая красавица и посеребренная годами, но так и не покорившаяся им пожилая женщина. И в том, что об их зародившейся

дружбе с Соьсбеком первой узнала именно Нана, не было ничего необычного. Скромность – естественная и важная черта характера чеченской девушки; и поведать о Соьсбеке родителям Аймани стеснялась. А вот тетушке Нане рассказала уже через день после их с Соьсбеком первой встречи.

«Не в каждом сердце небеса зажигают священный огонь любви», - сказала на это Нана, - «но когда такая искра возгорается – это великий дар. Если Соьсбек твой человек, я желаю тебе хранить этот огонь всю твою жизнь, сколько бы она ни длилась. Из твоего сердца пламя перельется в ваш семейный очаг, у которого будут согревать руки твои внуки и правнуки».

Нана отошла в иной мир тихо и спокойно, как и жила: просто присела отдохнуть меж грядок огорода, да так уже и не поднялась на ноги. Редко Аймани видела столько людей на похоронах: верно, многим и многим Нана успела сделать добро за долгие годы своей праведной жизни. Аймани проводила ее не просто с печалью на сердце – с уходом Наны она, казалось, лишилась части своей души...

Но так устроена жизнь, что грустное и веселое идут в ней рука об руку: и спустя всего два года девушка была приглашена уже на свадьбу.

Это была настоящая «ловзар», чеченская свадьба, сыгранная согласно всем канонам и традициям предков. Свадебный поезд растянулся на весь Урус-Мартан: когда первые телеги уже остановились у дома жениха, то хвост обоза еще только двигался по пригороду. Благо двор у дома был достаточно большим, чтобы вместить всех желающих, ведь их собралось немало.

Папа Анзора, жениха, служил чиновником, в ранге был немалом, и торжества организовали с размахом. Как судачили люди, «там», выкуп за невесту, был таким богатым, что теперь ее родня может больше не работать

до конца своих дней. «Наверное, все же шутят», - решила для себя Аймани. У чеченцев принято шутить с серьезным выражением лица, так оно забавнее: умный все равно поймет и посмеется; глупый поверит, не поняв ничего – и тогда уже посмеются (но беззлобно, добродушно) над ним самим.

На свадьбу она отправилась по двум причинам. Здесь, конечно же, сыграло свою роль и девичье любопытство, тем более что праздничных событий в округе случается не так уж и много. Но главное – среди гостей она рассчитывала увидеть Соьсбека, с которым они по разным причинам не могли встретиться вот уже целую неделю.

Если бы Соьсбеку сказали, что на свадьбе будет Аймани, то так бы оно и случилось; с Анзором, женихом, они были если не друзьями, то добрыми приятелями точно, да и Урус-Мартан не за тысячи верст; прискакал бы, конечно, на своем снежно-белом коне (белый был у него для праздников, черный для остального).

Но как раз в это время Соьсбек был в отъезде, по делам дяди Айдамара отправился в далекий Ростов. Весточка о свадьбе так до него и не долетела, так что среди гостей его не оказалось. Хотя недостаток мужского внимания к себе Аймани не чувствовала. Проявлялось оно, правда, в необидной и ненавязчивой, чисто чеченской деликатной форме: молодые гости мужского пола изредка адресовывали ей, Аймани, свои взгляды. Восхищение ее красотой при этом тщательно скрывали, со стороны все это выглядело простым любопытством. И неоткуда было Аймани знать, что одному из мужчин она сегодня запала так глубоко в душу, что глядя на нее, он уже перебирает в голове, кому из близких доверить скорое сватовство...

На свадьбе, порадовавшей гостей множеством колоритных событий, от зазорного состязания джигитов в ловкости и силе и до салюта из ружей (который, по правде сказать, еще долго потом отдавался в ушах),

Аймани по-настоящему запомнились две вещи.

Первой было свадебное платье невесты. Даже если мечтать о таком всю жизнь, и то нельзя придумать лучше. Добротного белого шелка, оно было столь искусно расшито золотыми и серебряными нитями, что казалось, будто швеей согласилась стать какая-то добрая волшебница. Невеста, Марьям, и так была чудо как хороша собой, а уж в этом платье с нее можно было писать картины.

А еще Аймани поразил один обряд, который помнят уже не все и исполняют его не на каждой свадьбе. По истечении трех дней торжеств невесту ведут к реке (гости наблюдают за происходящим издали). В воду летит лепешка, обязательно свежее испеченная – после чего парни, соревнуясь в меткости, расстреливают ее из ружей. Из рассказов Наны Аймани хорошо знала, для чего: в будущем молодой жене предстоит ходить за водой ежедневно, а в глубинах Аргуна ее может подстергать злобный Водяной. Вот и выманивают его сейчас на поверхность воды: чтобы пулями навсегда отбить недобрые мысли.

«Сколько неизведанного таит в себе наша судьба», - думала Аймани, тесно прижавшись к яблоне, - «Я хотела на той свадьбе свидеться с Соьсбеком, и не вышло. Я и не думала привлекать к себе внимание других, а случилось. Человек предполагает, а как должно быть на самом деле – решает уже Всевышний».

Сейчас там, на другом берегу Аргуна, где-то посреди сумерек терпеливо ждет ее верный Соьсбек. Еще не зная, что не дождется уже никогда. Сегодня она сосватана, людям жениха отец ответил согласием. И то, что решение он принял, переступив через себя, только после напоминаний о «праве простившего» (аукнулась-таки давняя злополучная пуля!), было слабым утешением.

Аймани знала, отец ее очень любил. О Соьсбеке она

не рассказывала, но он прознал сам. Да и разве утаишь что-то от людей, особенно близких, когда каждый из сельчан почти всегда на виду? И Имран никогда не переступил бы через счастье дочери: если бы не узы долга, которыми был связан. Сваты напомнили ему: «тебе простили тогда кровь – и ты обещал ценить это». А чтобы действовать наверняка, они еще и пригласили Айдамара. Ведь это он, Айдар, тогда вел непростые переговоры с родственниками убитого, и обязанность чтить договоренности ложилась теперь и на него.

Согласие отца невесты было получено после долгой паузы, в тяжелом молчании, воцарившемся в доме. Несчастливым выглядел он сам; опустил голову в смущении Айдар (сегодня судьбу девушки решил выстрел ее отца, прозвучавший многие годы тому; Айдар не видел в этом справедливости).

...И неподвижно застыла не пороге своей девичьей комнаты Аймани, убитая этим решением наповал, совсем как тот чеченец на свадьбе, что пал от отцовской пули.

Печаль, окутавшую ее, было не скрыть - хотя никто и не представлял себе всю глубину горя, в пучину которого она погрузилась.

Сияли улыбками только лица сватов, они-то достигли своей цели. Простившись с хозяином дома и Айдаром, они удалились, чтобы вернуться завтра: за невестой, которую повезут в дом будущего мужа.

Айдар тоже ступил на порог дома. Попрощались коротко. Молчание хранил и он, и отец девушки: сказать друг другу им было нечего. Долг, налагаемый на чеченцев обычаями – свят. Не ответить по нему, это повергнуть и себя, и весь свой род в пучину общего презрения. Долг они выполнили. Что случилось, то уже случилось. Теперь надо жить дальше.

...Аймани сжала яблоню в объятиях так тесно,

что заболели руки. Душа ее разрывалась. Приговор, вынесенный только что их с Соьсбеком счастьем, она приняла покорно, как подобает чеченской девушке, послушной родительскому слову. Но любовь, ее убитая любовь, разрывала ее чистую душу на тысячи кусочков...

Аймани не увидела, но явственно ощутила, как поднялся на том берегу Аргуна Соьсбек, как обратил прощальный взгляд в ее сторону, как повернулся и ушел, ступая неохотно и тяжело, будто ноги ему оттягивали гири. Горячо любимый, дорогой ее сердцу, лучший из всех на белом свете Соьсбек, еще не знающий ничего о случившемся...

Те капли, что катились сейчас по щекам Аймани – наверное, это были просто капли вечерней росы – похолодало, вот и проступила влага. И еще ее немного пугал день, который наступит завтра: первый раз в жизни Аймани не до конца понимала, как она поступит.

ДЕНЬ РАЗЛУКИ.

СОЬСБЕК

Природа словно чуяла близкую беду. Небо затянули тучи, они были необычного, темно-малинового цвета. «Прольется ли из такой тучи дождь?», – спрашивали друг друга люди в поле, и затруднялись ответить. Над Аргуном с утра стлался густой туман, вершины гор тоже тонули в дымке.

Еще вчера был обычный летний день: солнце светило вовсю, тепла хватало всем Новым Атагам. И вот все изменилось; осень, до которой еще так далеко, сегодня словно бы заглянула сюда на правах гостя.

Соьсбек только что объехал пастбища Айдамара, такие обширные, что это заняло не один час. Там все в порядке, буйволы довольно щипают высокую траву, не буюнят. Соьсбек дважды спешил, чтобы поговорить

с работниками. Все они были дагестанцы: Айдамар нанял их так давно, что ныне у него работали уже взрослые сыновья тех, самых первых пастухов. Трудились они на совесть, к дяде относились с уважением. Айдамар не только платил им деньги за работу: каждому, кто отработал три года, он еще и строил дом (скромный, зато свой) и выделял участок земли.

В выигрыше были все. Айдамар получал работников, выкладывавших в поле все силы, а те – все, что надо простому человеку для достойной жизни. Соьсбек поговорил сегодня с двумя из них, и в который раз поразился мудрому подходу дяди к хозяйственным делам. Эти люди не то что работали на совесть: случись что, они даже и воевать пойдут за Айдамара.

Еще раз он соскочил с коня верстой дальше, у мельницы, тоже принадлежавшей Айдамару. Движение огромного мельничного колеса (его вращали воды Аргуна) завораживало Соьсбека сизмальства. Как и размеры сундука для хранения муки: тот был величиной с добрый дом. А еще эти вкусные кукурузные лепешки; мельник Ваха всегда угощал его свежими, еще неостывшими. Маленькая пекарня располагалась здесь же, примыкая к самой мельнице.

Сегодня лепешки почему-то чуть горчили, но Соьсбек не сказал об этом Вахе ни единого слова. «Не просто вкусные», - ответил он вслух на немой вопрос Вахи, - «а такие вкусные, что я ем их осторожно – чтобы не проглотить вместе с пальцами!» - Ваха расплылся в довольной улыбке, а Соьсбек вскочил на коня и отправился дальше.

Малыш Майрбек ждал его у кромки кукурузного поля. Лицо озорника, каким знали Майрбека все соседи, было непривычно серьезным. «Соьсбек, у меня для тебя письмо», - мальчик переступал с ноги на ногу, не решаясь передать небольшой, сложенный пополам лист

бумаги. Соьсбек прыгнул на землю и сам взял письмо из сжимавшей его руки Майрбека.

Слова, которые он торопливо прочел, вспыхнули в его мозгу молнией: «Приезжай ко мне скорее. Или прямо сейчас, или не приезжай уже никогда». Письмо было не подписано – но Соьсбеку не надо было объяснять, кто его написал. Слова были не слишком понятными, но Соьсбек понял их смысл сразу. «Аймани. Беда», – застучало у него в висках.

Он перевел взгляд на Майрбека, и тот стал рассказывать о том, о чем знали уже все Новые Атаги – и о чем никто из знавших не решился бы уведомить его, Соьсбека.

Вчера в дом отца Аймани приехали люди просить руки его дочери. Имя жениха Соьсбек расслышал хорошо, но не запомнил – оно было для него неважным. Как и то, что род жениха уважаемый, а тейп сильный. И что калым, конечно же, будет достойным.

Все это не имело для Соьсбека никакого значения. Важным было другое: отец Аймани согласился отдать свою дочь – а его, Соьсбека, любимую – замуж. Майрбек даже рассказал, почему – хотя откуда мальцу было знать о той давней истории, повязавшей мужчин семьи Аймани неразрывными узами долга? Майрбек даже поведал и об Айдамаре, слова одобрения которого были так необходимы сватам. И они их получили.

С какого-то момента Соьсбек больше уже не слышал мальчика: главное он все равно понял. Он вдруг поймал себя на том, что его пальцы играют кинжалом: безотчетно, сами по себе. Как тот оказался вынутым из ножен, Соьсбек не знал.

Кинжалом он дорожил, Айдамар подарил его, когда Соьсбеку исполнилось шестнадцать. Длинный клинок, отливающий синевой, был весь покрыт затейливой арабской вязью. «Настоящий дамаск», – с гордостью

сказал тогда дядя, вручая подарок. С того самого дня Соьсбек с ним не расставался, вот уже несколько лет. Но и из ножен на людях не извлекал никогда, хорошо зная давнюю чеченскую традицию: «если мужчина достал оружие – он обязан пустить его в дело».

«Что же, видно пришел тот день, когда кинжалу пора попробовать первую кровь». Его отчаяние было мужским: никакой истерики, никаких криков. Только холодная ярость в глазах, и решимость – во что бы то ни стало остановить все это.

Соьсбек расспросил Майрбека о том, что делается в доме Аймани сейчас. Оказалось, сваты седлают коней и готовят телеги, Аймани уже собрала свои вещи. Обоз готовится в путь. В ту дорогу, в которой каждый удар лошадиного копыта будет приходиться прямо в его израненное сердце.

Соьсбек распрямил плечи. Влюбленный юноша в нем шагнул в сторону – уступив место молодому мужчине. Сильному, бесстрашному и готовому сражаться за свою любовь со всем этим несправедливым миром, вместе взятым.

«Пусть они получили разрешение отца. Пусть – одобрение Айдамара. Но они не получали согласие Аймани – а иначе зачем это письмо? А раз так, то живыми из села они не уедут», - решение было принято, и Соьсбек разом успокоился. Горячая кровь, взыгравшая в жилах с той самой минуты, как было прочитано письмо, теперь не мешала ему думать.

Думать о том, что обоз, который вот-вот покинет дом отца Аймани, не должен выехать за пределы села. Этого не допустит Соьсбек.

Его любовь к Аймани была так сильна, что затмила сейчас даже понимание тех истин, которые для чеченцев являются непреложными, каждый знает: после успешного

сватовства девушка больше не принадлежит своей семье – отныне за нее уже отвечает род жениха, членом которого она только что стала.

Рассудком Соьсбек это понимал: был и неглуп, и воспитан как надлежит. А вот сердцем принять не мог – слишком коварным оказался удар, нанесенный судьбой. Он знал, что собирается поступить неправильно, но это его не останавливало.

Соьсбек поручил Майрбеку срочно оповестить друзей: сбор за селом, каждому быть с оружием. Собираться следует прямо сейчас, оставив все дела. Объяснять зачем, он не стал – это было ясно даже мальчику, а уж друзья поймут тем более.

Кивнув в знак понимания (да и одобрения тоже) Майрбек что есть духу помчался исполнять поручение. Соьсбек на мгновение замер в неподвижности, задумчиво гладил коня по холке, белой как снег на горных вершинах. Затем молнией взлетел в седло и с коротким «хоп» поскакал к месту встречи.

Остальные собрались едва ли не скорее, чем подъехал сам Соьсбек. От близкой схватки не уклонился ни один, отозвались все – они были его товарищами еще по детским играм, сейчас же на Соьсбека прямо смотрели молодые, полные сил мужчины. На боку у каждого отливала серебром сабля: ножны не брали, чтобы ничто не мешало в бою. Руки сжимали приклады: у одних новенькие русские винтовки (никто не спрашивал откуда взялись, это было не принято), другие взяли с собой харбуки, старые добрые кремневые ружья в умелых руках осечки не давали и били точно.

Здесь были все: Сулим и Хьумид стояли рядом со своими скакунами, 1имран, Мумад и Махмуд устроились чуть поодаль, присев на камни; Салмад и Аьмад о чем-то негромко переговаривались, а Хьаька, друг детства Соьсбека, просто молча смотрел на него, не отрываясь.

Все ждали распоряжений Соьса, все были готовы их выполнить – и неважно, что от них потребуется.

«Верные друзья!» - с нежностью и гордостью подумал Соьсбек, - «В недобрый для меня час они все здесь; и ни один не думает о себе самом: только о предстоящей всем нам мужской работе».

Засаду ставили по уму: двое спрятались в редколесье, на самом выезде из села, четверо чуть поодаль, где дорога шла через раскидистые тополя, росшие по обе ее стороны, еще двоих отправили на разведку: стеречь каждое движение обоза. Мышь не проскочит!

Соьсбек открыто стоял на околице, у самого последнего дома, зорко вглядываясь вглубь дороги, змеившейся по сельской улице. Сердце его билось ровно, сомнений не было, одна только решимость. Когда вдаль за клубилась пыль от копыт, он вздохнул прерывисто; губы его были сурово сжаты: пора!..

АЙДАМАР

Обоз собрали быстро, невеста тоже была готова, пора отправляться в неблизкий путь: Урус-Мартан не рядом. То есть птица одолела бы это расстояние легко, но то птица: а на извилистой дороге предгорий каждая верста равна трем равнинным. Чтобы к вечеру расседлать коней, следует уже выезжать.

Тем более что последние слова вежливости хозяевам дома – сказаны, щедрые подарки оставлены. Сваты все сделали правильно: и по адатам, и по Корану, и сейчас, рассевшись по телегам, могли с облегчением расслабиться.

Но их радужное настроение изменилось, едва кони сделали первые шаги. Вести, которые им сообщили местные, заставили крепко задуматься о том, что делать дальше. Сваты были в этом селе хоть и чужие, но они не были чужестранцами: у одного в Новых Атагах

нашелся родственник, у другого кунак, с третьим вместе ходили в набеги...Словом, рассказать о засаде Соьсбека, ожидающей их на выезде из села, нашлось кому.

Выхода было два: и первый из них - принять бой – не годился. Не потому что это пугало; сваты тоже чеченцы, и страх никогда их не останавливал. Беспокоило другое. В этом случае исход всего предприятия неясен: то ли они прорвутся, то ли победу одержит враг – а значит, невесту они потеряют, и порученное им важное дело не выполнят.

Поразмыслив недолгое время, старший из сватов, Магомед, сошел с телеги и гортанным криком велел всем остановиться. Обоз послушно замер в ожидании его решения. Магомед поправил папаху и зашагал вперед, но не к дому отца Аймани: а к Айдару, тот жил в глубине села, неподалеку от центральной мечети. Магомед рассудил правильно: единственным человеком, способным остановить готовую пролиться кровь, был теперь один лишь Айдар.

Хозяин встретил его на пороге, пригласил в дом, был вежлив и еще не знал о происходящем, Магомед понял это сразу. «Небрежное слово может сразить как шальная пуля», - вспомнил Магомед простую, но мудрую пословицу гор. Дело было трудным, и слова он подбирал так осторожно и уважительно, как только мог. Но все равно знал, что причинит собеседнику боль – потому что понимание, которое сейчас придет к Айдару, без боли не приходит.

По мере того, как лилась его речь, лицо Айдара мрачнело все больше и больше. Соьсбека он любил как родного сына (злые языки даже плели, что и больше), и сейчас горе племянника в один миг стало его собственным горем, а потеря Аймани – и его утратой.

«Ну почему же ты ничего не говорил мне о своей любви; почему я узнаю обо всем только сейчас, когда

изменить ничего уже нельзя?!», - мысленно воззвал он к Соьсбеку, но тут же улыбнулся с печалью, понял: тот просто не хотел беспокоить дядю – как не беспокоил его почти никогда и ничем; берег его.

Магомед было уже закончил, но тут заметил, как опасно заблестели глаза Айдамара, понял, что горячая кровь может одержать верх над рассудком, и сказал еще слова: «Уважаемый Айдар. Человек, отдающий сейчас замуж свою дочь, однажды совершил большую ошибку. Ценой в человеческую жизнь. Он сделал это не во зло, и люди нашего рода ему простили. Простили еще и потому, что за него сказал слово ты, Айдар».

Вы остались должны нам, и он и ты, и вы оба об этом знаете. Мы никогда не напоминали вам об этом, все жили как жили. Но сейчас пришло время оплатить этот долг. Отдав Аймани замуж, вы заплатили половину. Вторую половину можешь заплатить лишь ты, Айдар. Не дай сегодня Соьсбеку тоже совершить ошибку: за которую и он, и ты будете отвечать не только перед людьми, а и перед собой. Останови его».

Тяжелые и веские, слова Магомеда – каждая горькая правда! - были как камни, катящиеся с гор, не остановить. Они упали в полной тишине. Айдар глубоко вздохнул, ответ дался ему непросто:

«Ступай и скажи своим, что можно ехать. Я сделаю то, что должен», - и добавил вдруг, - «Но ты же понимаешь, что если бы о любви Соьсбека я узнал вчера – то этой свадьбы не было бы?» - Айдар говорил спокойно, но в глазах его полыхнуло такое яростное пламя, что Магомед даже отшатнулся.

«Я это понимаю хорошо, Айдар», - матерый джигит, закаленный в боях и не ведающий страха, Магомед сейчас отчего-то чувствовал себя робким подростком.

Когда за ним закрылась дверь, Айдар позвал

Майрбека – тот успевал всюду, и сейчас ждал развития событий у дома Айдамара – и велел передать Соьсбеку только два слова.

«Прости меня, Соьс», – собеседника больше не было, и хозяин дома говорил уже с самим собой. Впрочем, нет: еще и с Соьсбеком; хоть тот сейчас и не здесь, но нить той незримой связи, что всегда соединяла их, была прочнее любого из канатов, – «прости, но нам следует поступить так, как велят обычаи предков. Чувство долга для мужчины выше любого другого чувства. Я в тебе не сомневаюсь ни минуты – и я печалюсь сейчас вместе с тобой...»

СОЬСБЕК

Соьсбек наконец увидел пыль из-под копыт, но это был еще не обоз: во всаднике он уже скоро разглядел Майрбека. На плечи его будто разом легла непомерная тяжесть. Соьсбек понял, что судьба сильнее, чем он думал еще минуту назад. «Что сказал дядя?», – просто спросил он мальчика.

«Возвращайся домой», – таким был ответ. Дядя не стал убеждать его, доказывать что нельзя иначе, толковать адаты. Дядя не стал унижать его и себя уговорами. Он как всегда поступил единственно верным образом: коротко сказал суть.

Соьсбек был готов сейчас переступить через многих, если понадобится – через всех, кто встанет на его пути. Но не через Айдамара. Его плечи бессильно опустились. Все было кончено.

Словно ждавшие этого, тучи, с самого утра копившие влагу, наконец пролились дождем. Поднялся ветер. Холодные струи больно хлестали по лицу, но Соьсбек не замечал этого. «Хорошо что дождь: в такой день солнце не имеет права светить ярко и радостно», – Соьсбек принял самое трудное решение в своей жизни, теперь

действовать надо было быстро.

Отбой своим друзьям он дал выстрелом, засаду сняли вовремя: на краю села уже показались первые телеги. Несмотря на обуревавшие его чувства, Соьсбек отметил, каким все же длинным оказался обоз: когда головная упряжка уже скрылась среди тополей, хвост процессии еще тянулся между деревенскими домами.

«Пусть твой муж, Аймани, окажется достойным человеком», - Соьсбек выискивал глазами телегу, где могла быть Аймани – и не находил ее, - «раз уж счастье стать им не досталось мне самому».

Внезапно Соьсбек осознал, что ему следует сделать, поднял ружье и нажал на курок. Друзья поняли его без слов – и по обе стороны дороги зазвучали частые выстрелы. Но пули джигитов не искали цели: они просто устремлялись ввысь. Это был салют в честь отъезжающих, салют в честь Аймани, которую Соьсбек терял сейчас навсегда.

К звукам выстрелов добавились громовые раскаты: видно, горы тоже не остались равнодушны к происходящему.

Соьсбек добился, чего хотел: с первым же выстрелом на одной из повозок в полный рост поднялась невысокая стройная – женская – фигурка. Она не знала – и не могла знать - где находится Соьсбек, но повернулась точно в его сторону. Так они и прощались, глядя друг на друга сквозь плотную завесу дождя. И струи воды, сбегавшие по их щекам, не мешали им видеть черты любимого лица. Они останутся в памяти, Соьсбек знал это точно – навсегда...

АЙМАНИ

В ней боролись два человека. Юная девушка, у которой сейчас отнимали самое дорогое в жизни – ее любовь; и

молодая чеченка, дочь своего народа, для которой его обычаи святы. Первая не в силах была сдержать слезы горя, вторая же плотно затворила створки своей души, приняв неизбежное как должное.

Она, Аймани, была дочерью своего отца: и долг отца перед другими лег на нее, как тень от большой яблони ложится на маленькую, от нее отпочковавшуюся. А разве бывает иначе?

Уже скоро она назовет мужа не тем именем, которым всей душой хотела бы назвать. Но она будет всегда верна ему, и станет поддерживать огонь в очаге их общего дома. Они достойно продолжают свой род, и люди – и в Новых Атагах, и в Урус-Мартане, будут гордиться ими.

Зачем она написала Соьсбеку ту записку, те слова отчаяния? – А это ее юная, неокрепшая еще душа рванулась навстречу любимому: не в силах принять приговор судьбы вот так сразу.

Сейчас, поднявшись на ноги при звуке выстрелов, Аймани была полна светлой печали, но и радовалась тоже: радовалась тому, что ни Соьсбек, ни она сама не преступили ни в чем обычаи предков – сколь бы суровыми по отношению к ним те ни были.

Далекий силуэт Соьсбека был плохо различим, и с каждым скрипом тележного колеса пелена дождя размывала его все больше. «Будь счастлив, Соьс», - вслух сказала Аймани, и горы, приняв ее слова, разнесли их далеко вокруг едва слышным эхом...

Часть вторая. ГОРЦЫ В СТЕПИ.

СОЬСБЕК

Соьсбек никогда не задумывался о том, сколько же лет ему на самом деле: и на вопрос о точном возрасте лишь отрицательно кивал головой. А какая разница? Если рука твердо держит соху или саблю – то будь тебе хоть и все сто, ты мужчина. А человек малодушный или немощный: такой и в двадцать лет старик. В документы он тоже заглядывал редко: зачем? Все и так все про него знают.

Сейчас он был где-то на седьмом десятке: шестьдесят наступивших весен он помнит хорошо, еще несколько из них пришлось на годы его раннего детства. Впрочем, столько ему не дал бы никто: есть такая особенность у горских мужчин – после тридцатилетия их возраст как бы замирает, черты лица не меняются, время лишь потихоньку добавляет седых волосков в бороду джигита.

Спина Соьсбека была прямая как и в юности, глаза вглядывались в даль все так же зорко. Он сидел на утесе, нависшем над узкой горной дорогой, и думал. Это был тот самый утес, где прежде они встречались с Борзом. Волка нет на свете уже давно, но на встречи к Соьсбеку он приходил до глубокой старости, пока ступали лапы. И в тот печальный день, когда чужие увезли Аймани, он пришел тоже.

Они долго сидели рядом, молчали; Соьсбек в горести, Борз с пониманием. Затем волк – первый и единственный раз за все время их встреч – положил лобастую голову ему на колени. Соьсбек тогда понял: так он пытается поддержать его, выразить свое сочувствие. Он запустил руку глубоко в волчью шерсть: «Ох и теплая получилась бы из тебя шуба, друг!» Борз словно понял шутку,

негромко рыкнул что-то в ответ. Почесать его за ухом, как собаку, Соьсбек даже и не пытался – вряд ли гордому хозяину чащи такое понравится...

После того горького дня все пошло своим чередом. Соьсбек давно отмечал для себя: жизнь – она чем-то похожа на мельницу дяди Айдамара. Все так же, несмотря ни на что, шумит вода, так же вращается огромное мельничное колесо, чуть замедляясь или наоборот, ускоряя свой бег; но никогда, ни на одну минуту не останавливается.

Айдамар тогда выждал сколько следует; а когда время подлечило раны племянника от расставания с Аймани – женил Соьсбека на дочери своего друга. Жили молодые спокойно, в их отношениях было взаимное уважение и забота друг о друге: а что еще надо обычной семье? Супруга родила Соьсбеку двух сыновей, Дарценка и Махма, родила красавицу-дочь Айзази, и на этом ее долг перед жизнью был исчерпан. Доктора лишь пожимали плечами над телом его безвременно ушедшей жены: никаких видимых причин для такой ранней смерти они не нашли... «Достойных людей Аллах иногда зовет к себе раньше прочих», - сказали люди.

Соьсбек овдовел, и ни одна из женщин, встреченных им на жизненном пути, так больше и не воспламенила его душу, угасшую после расставания с Аймани. Зато сердце радовали многочисленные дети, воспитанием которых он занялся с удовольствием, да и его помощь Айдару отнимала все больше времени – ведь с годами дядя не становился моложе, а огромное хозяйство требовало надлежащего ухода. Так что предаваться грустным воспоминаниям Соьсбеку было особо некогда.

Арсбека, родного брата Соьса, Айдар тоже женил на дочери близкого друга. И из жизни она тоже ушла рано: оставив супругу сына Али и дочь Серижу. Дети Соьсбека и Арсбека много времени проводили вместе; они были не только братьями и сестрами, но и почти ровесниками,

да и дома стояли рядом, а внутренняя калитка между их дворами была всегда широко открыта.

Особенно неразлучными были Дарценка и Сарали: едва научившись ходить, они затем всюду бывали вместе – вдвоем играли во все игры, вдвоем же дрались с другими мальчишками, а когда чуть подросли, то все так же, в паре, отправлялись за село – исследовать окрестности.

(я думаю, отношения братьев Дарценки и Сарали – это пример той настоящей мужской дружбы, которая неподвластна времени. Шли годы, судьба меняла обстоятельства их жизни – а дружба эта, казалось, только становится еще крепче).

Маленьких родичей вскоре стало больше: второй брак Арсбека на Халипат, дочери Юсуп-Хаджи, дал Соьсбеку еще троих дочерей и двух сыновей.

(отмечу здесь отдельно: жена Арсбека, Халипат – была моей родной бабушкой, а один из рожденных ею сыновей, Сарали – моим отцом)

Годы шли, дети подрастали, а новая страна, частью которой стали их родные горы (теперь она называлась СССР) – не уставала задавать им все более сложные жизненные задачи. Одна из таких называлась труднопроизносимым словом «коллективизация». Проще было выговорить другое слово – «колхоз». В колхозы стали созывать всех чеченцев, и горных, и равнинных: кого уговорами, а кого и угрозами. Новая власть была решительной и жесткой, на курок комиссары нажимали без особых раздумий – и в серьезность этих угроз люди верили. Потому в колхозы все записывались, хотя в светлое будущее, которое им там обещали, не верил никто.

Айдамар поступил тогда необычно, все соседи сказали – мудро. А власть, хоть и окрестила его саботажником, повода для расправы не нашла. Дело было так.

Накануне в дом к Айдару постучался чужой для Новых Атагов человек. И хотя был он большой советский начальник (один из руководителей целой республики), хозяин принял его просто и с достоинством. Как и любого гостя, усадил за стол, покормил с дороги; поинтересовался здоровьем родственников – и лишь затем уважительным кивком головы дал понять: он слушает.

Гость (то ли русский, то ли еврей – но точно не чеченец, знающий местные обычаи) начал разговор неправильно: с перечисления своих внушительных должностей. Айдар отрезвил его почтительно, но не мешкая: «В горах правит честь, но не чин. Не сердись, уважаемый, но будь ты даже сам генерал – разве смысл того, с чем ты пришел, от этого изменится?»

Не найдясь с возражениями, тот приступил к рассказу о колхозах: той Мекке, что якобы уже скоро превратит жизнь всех чеченских крестьян в настоящий рай. Айдар не перебивал его, слушал молча, в глазах его плясали живые искры – но собеседник так и не понял, что это было, понимание, одобрение или – виданное ли дело! – насмешка.

Уже спустя несколько дней Айдар, самый успешный скотовод здешних мест, продал все свое огромное стадо, до последнего буйвола. Прогдал не за пестрые советские бумажки с водяными знаками: а за настоящие доллары. А в конторе, переписывая колхозу свои опустевшие пастбища, на вопрос: «Где же скот?» он лишь лукаво склонил голову, пряча улыбку в густые седые усы. Законом – даже суровым советским законом, далеким от справедливости – продажа собственного скота не возбранялась; так что наказывать Айдара (чего, по совести, очень хотелось колхозному начальству) было не за что.

Что сталося потом с долларами, вырученными за буйволиное стадо? – Этого не знает никто. Известно

только, что было их не просто много: сундук Айдамара, куда складывали деньги, они заполнили до самого верха. Люди, конечно, говорят разное: одни считают, что доллары стали добычей красноармейцев – в той горестной суете, которой сопровождалась депортация; другие грешат на абреков, вдоволь покуролесивших здесь в годы послевоенного лихолетья.

Сам Соьсбек, зная острый ум и предусмотрительность дяди, и спустя долгие годы после этих событий был уверен, что заветный сундук до сих пор надежно спрятан где-то среди обширных кукурузных полей – или у мельничного омута, а то и еще где-нибудь: владения дяди были обширны; в ожидании того дня, когда его откроют руки далеких потомков Айдамара, людей чистой совести и честной души...

Сегодня Соьсбек думал долго и с тяжелым сердцем, на утесе он просидел до глубокого вечера. Уже давно скатилось в ущелье солнце, уже пробирал до костей колючий февральский мороз: а его неподвижная фигура все так же высилась над горной дорогой – словно пытаюсь остановить неизбежное...

Он думал о том, что судьба уготовила его соплеменникам еще одно испытание, пожалуй, самое тяжелое из всех, о которых Соьсбек знал. В языке, на котором советская власть разговаривала со своими народами, отыскалось слово куда более страшное, чем «колхоз» – это слово ДЕПОРТАЦИЯ. И уже завтра оно не войдет – а смертоносным жалом вонзится в жизнь чеченского народа.

О предстоящих событиях Соьсбек узнал от верного кунака Малгобека, друга юности. Тот работал в Урус-Мартане, название ведомства Соьсбек не помнил, но сотрудники всесильного НКВД захаживали туда часто. С одним из них, сибиряком Левченко, у Малгобека сложились отношения не то чтобы дружеские, но по-

человечески уважительные. Он то и рассказал чеченцу об операции «Чечевица», которая должна была вот-вот начаться.

Кстати, рассказал с немалым риском для собственной жизни: операцию готовили в строжайшей тайне, и ее разглашение грозило виновнику расстрелом. Но Левченко, человек совестливый и во всех отношениях неплохой, на это решился – видно, так ему легче было пережить то страшное злодеяние, которое сталинская власть собиралась совершить.

Чечевица...Этим невинным словом назвали деяние воистину чудовищное: полную принудительную депортацию целого народа; переселение всех чеченцев с гор Кавказа в казахские и киргизские степи. Почему «чечевица»? – спросил себя Сосьбек, как только жуткий смысл услышанного дошел до его сознания. Наверное, Сталин собирался сделать непокорных и гордых чеченцев такими же мирными и безопасными, как это спокойное растение.

Ужаснула Сосьбека и причина депортации. Точнее, повод: правильно будет сказать именно так. «В связи с пособничеством немецко - фашистским оккупантам», - так говорилось в сталинском указе.

Да, нашлись в горах Нохчи-Чоь абреки, на которых Советы так и не смогли накинуть крепкую узду. Да, они стали сотрудничать с немцами: отрицать очевидное глупо. Но, во-первых, было их немного – и никак не больше, чем тех чеченцев, что героически защищали от немцев Брестскую крепость. «А вспомнить хотя бы и Али, сына Арсбека», - подумал Сосьбек, - «Ведь юноша пропал без вести, мужественно сражаясь в рядах Советской Армии, но перед этим успел проявить себя как самый храбрый боец во всем батальйоне».

И во-вторых – а разве не было у тех же русских полуторамиллионной (!) армии генерала Власова,

воевавшей с СССР на стороне фашистов? Разве не было своих подобных дивизий у азербайджанцев и грузин? Или, может, не было украинцев и белорусов, служивших у немцев полициями?

Люди – они разные, и пособники Германии нашлись среди всех народов. Кто-то из них был обижен на Советы, кто-то мстил за угробленных по печально знаменитой статье 58 («враг народа») родных и близких. Другие просто надеялись так выжить: за счет горя соотечественников. Предатели. Конечно.

Но разве можно обвинять в таком целый народ? И наказывать весь народ – за поступки отдельных его представителей? «Нет, дело здесь не в нашей вине», – решил для себя Соьсбек, – «скорее, товарищ Сталин решил, что есть единственный способ обезопасить свои тылы для власти абсолютной, ничем и никем не ограниченной: это навсегда выслать в степи, за тысячи верст отсюда, тех людей, которые такую власть никогда не примут. Тот единственный народ, который полностью приручить – как волка – невозможно. Чеченский народ».

То, что Соьсбек успел сделать – это оповестил о депортации всех родственников и соседей, до которых только смог за прошедший день добраться. Страшное известие они приняли по-разному. Кто-то отказывался в него верить: уж слишком невероятным все это звучало. Молодые хватались за ружья, хотя что их ружья против целой армии? Иные из них, наскоро собравшись, уходили в высокогорье – еще не зная толком, что станут делать, но точно зная, что живыми родную землю не покинут.

Старики принимались молиться. Женщины прятали от мужчин и детей слезы. Соьсбека удивила реакция на его слова со стороны Сарали, племянника, одного из сыновей Арсбека. Мальчик, которого еще рано называть юношей – ему было всего двенадцать – не стал терять времени на расспросы и переживания. Он сразу же, по-взрослому

быстро и сосредоточенно начал собирать узелок в дорогу. В том соседствовали сушеный сыр, вяленое мясо, лепешки: словом, еда, что может храниться долго и не портиться. Сарали будто понимал, что дорога им всем предстоит долгая!..И как показало время, заветный узелок Сарали ох как пригодился чеченцам в этом нелегком пути.

Все это было днем. Сейчас вечер. Соьсбек смотрел на родные горы и все никак не мог насмотреться; чувствовал, верно, что может больше их не увидеть – и хотел навсегда отчеканить в своей памяти эти величественные виды.

Дорога, что вилась над пропастью, была по-прежнему безлюдной. Чуткую тишину леса не нарушали ни звери, ни ветер, что обычно бывает в этих местах резким и сильным. Все словно замерло. До начала депортации оставалось шесть коротких часов.

ДЕНЬ, КОГДА ПЛАКАЛИ ГОРЫ.

Гудение моторов Соьсбек слышал задолго до того, как на дороге показалась вереница машин. Грузовиков было много, они встали почти по всей протяженности села. Автомобили имели необычный вид: таких здесь раньше не видели. Это потом Соьсбек узнает, что машины американские, союзники поставили их в СССР по ленд-лизу, и называются эти диковинные звери «Студебеккер». А сейчас он с сельчанами лишь рассматривал их, удивляясь высоким бортам и огромным колесам. Моторы урчали ровно и мощно, глушить их не стали даже когда старший зачитывал сталинский Указ. Капитан – звезды погон уже сменили к этому времени ромбы в петлицах – говорил громко и внятно, слова его щелкали сухо, как выстрелы. Солдаты, прибывшие с ним, выстроились длинной цепью, в руках не ружья, а автоматы; стволы были направлены в сторону чеченцев.

Люди с оружием в руках, энкаведисты, были немолодыми и явно опытными, смотрели вокруг опасно – видно, многолетняя борьба с «врагами народа»

научила их многому. Когда последние слова капитана были сказаны, сельчане обреченно разошлись по своим домам. Спешки в их движениях не было, хотя на сборы и давали всего один час. Люди, не совершившие в своей жизни не то что преступных, а вообще дурных поступков – отказывались верить в то страшное преступление, в котором сейчас обвинили весь их народ.

С собой брали только самое необходимое, об этом всех предупредили отдельно. Все происходило в тишине: капитан сказал, что разговоры будут караться автоматными очередями. Одна из таких прозвучала уже вскоре: это Абдусалам, живший на окраине Новых Атагов, сказал солдатам что-то – как им показалось – непочтительное. За что тут же и заплатил жизнью. Родственников, которые бросились было к телу застреленного, оттеснили прикладами и загнали в кузов грузовика. «Несчастный Абдусалам останется непогребенным», - подумал Соьсбек, - «Это будет просто некому сделать».

Постепенно «Студебеккеры» заполнили люди. На лавках рассаживались вплотную друг к другу, было тесно и холодно: тенты машин плохо защищали от мороза и особенно от ветра. Мужчин от женщин, понятное дело, никто не отделял: грузили всех скопом, как скот.

Горы вдали безмолствовали, но было в этой тишине что-то осуждающее: словно люди, пришедшие сюда с далеких чужих равнин, нарушали сейчас нечто непреложное, заведенное столетиями. А когда колонна машин наконец стронулась и направилась к Грозному и Гудермесу, где на вокзале их ждали готовые к отправке поезда, Соьсбеку на миг даже показалось, что горы вокруг плачут. Точнее, плачут одни из них: тогда как другие строго на них прикрикивают – горам Нохчи-Чоь слезы не к лицу. «Показалось», - решил Соьсбек. Он был спокоен: если беду невозможно предотвратить – тогда надо принять ее достойно.

Ехали молча, в тишине этой смешались горе – и враждебность к той власти, что лишала их родной земли. И чьи автоматчики, по двое в каждой машине, бдили сейчас у борта, чтобы никто из депортантов, не дай бог, не сбежал по дороге.

Уже потом, находясь в Казахстане, Соьсбек узнал, что в этот день депортировали не всех чеченцев. Некоторым из его собратьев СССР уготовил участь еще более ужасную. Те дальние аулы высокогорья, доступ к которым был затруднен – автомобили просто не могли к ним подняться по крутой дороге – их просто-напросто сожгли. Вместе с людьми, их населявшими. Чеченцев согнали в дома, наглухо заперли, забив досками двери и окна, облили бензином и подожгли. Люди сгорели заживо, и сколько их было – точно уже никто не скажет.

...Новые Атаги постепенно отдалялись. Дома становились все меньше, уже было трудно распознать, где тот из них, в котором он, Соьсбек, прожил столько лет. Неожиданно на землю опустился густой туман, и люди перестали вглядываться за борт: все равно ведь больше ничего не видно. Соьсбек глубоким вздохом простился с родным селом, увидеть которое снова ему суждено лишь через долгих пятнадцать лет.

ДОРОГА СМЕРТИ.

С братом Арсбеком, как и с Сарали, они оказались в разных вагонах. Хотя назвать вагонами эти неказистые деревянные будки, кое-как склепанные из досок, и язык не поворачивался: ведь делали их не для людей. Предназначались они для перевозки скота, а для этой цели годились и такие. Кто же знал, что в феврале 1944-го эти вагоны, в народе их так и прозвали – «телячьи» – заполнят живые люди...

Доски не были подогнаны друг к другу вплотную: местами их разделяли щели толщиной в палец. Крыша тоже затекала. В общем, для ветра и мороза – а нынешний

февраль выдался неласковый – они подходили куда лучше, чем для людей, оказавшихся внутри. «Настоящая тюрьма на колесах», – так оценил Соьсбек этот вагон. Еще не зная, что для одних чеченцев этот неказистый вагон станет домом на целый долгий (и мучительный!) месяц, тогда как другим он вообще послужит последним пристанищем.

Таких вагонов в их поезде было много, больше шести десятков, – об этом рассказали дети, уже успевшие разведать окрестности. Эшелон растянулся сытой змеей на добрый километр – его голова тонула в утреннем тумане где-то там, вдалеке.

Грузовики подогнали вплотную к поезду, люди пересаживались в него, минуя неширокий коридор из автоматчиков, многие солдаты были с собаками. Огромные овчарки рвались с поводка, норовя хватануть проходящих мимо людей, и заливались злобным лаем.

Соьсбек с замирающим сердцем увидел Арсбека, который так отчаянно метался по перрону в поисках сына, что конвоиры пригрозили ему автоматом. «Видно, не судьба», – сгрустью подумал он. И Сарали, и Арсбеку и ему самому предстояло ехать отдельно друг от друга.

Перед посадкой старший вагона – сержант, определил Соьсбек по нашивкам на погонах – скороговоркой зачитал им правила поведения в пути. Это был длинный перечень, состоявший в основном из всевозможных запретов: то нельзя, это тоже нельзя. Наказание тому, кто правила нарушит, было одинаковым на все случаи: «расстрел на месте».

Уход от вагона больше чем на пять метров – расстрел. Громкие разговоры в вагоне – расстрел. Нарушение любого из распоряжений конвоя – опять расстрел.

Кормить их не собирались совсем, это стало ясно в первый же день пути. Видно, зловещий план Сталина

предусматривал, что до места назначения живыми доедут далеко не все депортированные.

Людей очень выручили те скудные запасы, которые они успели взять из дома. Кукурузная мука, сушеное мясо, сыр – все это делили на маленькие кусочки, но честно и на всех: чеченец не может есть, когда другие чеченцы голодны...

Вместе с Соьсбеком в этом вагоне ехали его дети, все они – сыновья Дарценка и Махма, дочка Айзази – держались молодцом. Было также несколько его соседей по улице, остальные родичи были рассеяны по всему поезду.

Всего на дощатом полу вагона (сидений, понятно, не было) расположилось полсотни человек. До Усть-Каменогорска, что ждал их в далекой казахской степи, живыми из них доберется чуть больше трех десятков.

Правда, сейчас об этом никто не знал и не думал, сейчас все мысли людей были обращены к родным горам: а те под нарастающий стук колес оставались позади. Чистые дети гор, чеченцы не покидали их почти никогда в жизни, и сейчас чувство утраты, которое испытывали все, смешивалось с ужасом от той неизвестности, что была уготована им в будущем.

Какая земля их ждет? Живут ли на ней люди? Как они отнесутся к новым, незванным соседям? – Вопросов возникало множество, но главным было, это все осознали уже скоро, добраться туда живыми.

В пути умирали часто, много и по разным причинам. Одних доконал мороз: особенно плохо его переносили люди пожилого возраста, чья кровь текла по жилам медленнее, и тело согревала хуже. Пока поезд миновал предгорья, холод еще как-то можно было терпеть; а когда за хлипкими стенами вагона замелькала голая, открытая всем ветрам степь, стало совсем невмоготу. Ветер

врывался сквозь огромные щели, гулял внутри, как хотел и даже то убогое тепло, которое давали маленькие печки-буржуйки – выстуживал мгновенно. Люди начинали кашлять, затем харкали кровью, ложились и не вставали больше: а в какой-то по счету день, обрывая мучения, за ними приходила смерть.

Других убивало недоедание. Оно уносило как раз молодых, полных сил мужчин. Скудной пайки, что им плескали в миски, отчаянно не хватало, чтобы удержать жизнь в богатырском теле – и широкоплечие джигиты таяли на глазах у всех, пока не успокаивались навеки.

А кто-то, не в силах перенести всю эту чудовищную несправедливость, не выдерживал и сам бросался на штыки конвоиров, или на очередном полустанке вдруг бежал прочь от поезда, в степь – пока его не останавливала пуля.

Умерших не хоронили, и это был страшный грех для горцев; но их конвоиры, солдаты страны, потерявшей на фронте миллионы жизней, к смертям давно привыкли и относились к этому до ужаса просто: тела сваливали в кучу, лишь немного оттащив от рельсов, и так оставляли. Когда чеченцы попросили их разрешения самим копать промерзлую землю, чтобы все-таки похоронить своих мертвых по-человечески – им отказали, пригрозив автоматами.

Уже потом, годы спустя, Соьсбек узнал о смерти брата. Это случилось в поселке Шаманахи, в Киргизии, где и высадили Арсбека. Тот стойко сносил все несправедливости в свой собственный адрес – но когда обижали других чеченцев, очень переживал. А власти делали это почти постоянно: издеваясь над депортированными, как только для этого предоставлялась малейшая возможность. Одна из таких обид и оборвала его жизнь: поселковые милиционеры придрались к земляку Арсбека - под надуманным предлогом, конечно

- и жестоко избили его. Арсбек не смог его защитить: а что бы смог безоружный против десятка людей с пистолетами и автоматами? Он было попробовал, но досталось и ему, хорошо хоть обошлось без выстрелов.

Вечером, придя домой хмурым и расстроенным, Арсбек первый раз в жизни сказал, что у него болит сердце. Первый – и последний, как выяснилось наутро: потому что ночью его сердце остановилось, большое сердце большого человека...

«Слишком горячим был ты, любимый брат! Таким горячим, что проклятые энкавэдисты обожглись», - и Соьсбек вспомнил годы их общего с Арсбеком детства. Как они, еще совсем маленькими, замирая от восторга, забирались высоко в горы, совсем далеко от села, одни, без взрослых. Как вместе играли: и всегда за одну команду, на одной стороне. Как горячий Арсбек защищал своего младшего брата; Соьсбек был спокойнее по характеру, иногда он даже не успевал понять, что его обидели – как обидчик, наказанный Арсбеком, уже просил у него прощения. «Да наградит тебя Аллах, брат, достойной жизнью в том мире, где ты сейчас – ты заслужил ее как никто из нас!»

После смерти брата все заботы о его сыне и племяннике Соьсбека, Сарали, теперь ложились на него - и Соьсбек дал себе клятву вырастить мальчика достойным мужчиной...

Их конвоиры в поезде не все были бессердечными скотами: Соьсбек наблюдал за ними с первого дня, и понял это сразу. Немало охранников было простыми селянами из неисчислимых русских деревень, забитыми жизнью и запуганными начальством. Война вырвала их из привычного и понятного крестьянского уклада, на оружие в своих руках они смотрели с недоумением. Свободы эти несчастные не видели никогда, даже не представляли себе, что это такое – и чеченцев, не мыслящих без свободы самой своей жизни, не понимали

почти ни в чем.

Женщин солдаты не трогали: или был на то какой-то особый приказ, или же – что скорее – они хорошо представляли себе, что в этом случае надо будет расстрелять и всех мужчин: потому что на защиту своих женщин те встанут все до единого. Так что без насилия, слава Аллаху, обошлось.

С одним из конвоиров Соьсбек со временем наладил общение, не дружеское, конечно, но все лучше чем никакое. Случилось это на третий день пути. Сержант вышел из-за выгородки, что отделяла в каждом вагоне депортированных от их охраны. В этих каптерках на полу лежали ватные матрацы, и была своя отдельная печка.

Руки сержанта, державшие письмо – обычную фронтовую «треуголку» - едва заметно дрожали. Глаза подозрительно блеснули: видно, и в общий вагон он вышел, чтобы скрыть набежавшие слезы от сослуживцев. Из-под пилотки выбивалась светло-русая челка, и Соьсбек отметил, что сержант не просто молод, а совсем еще пацан.

«Невеста?», - понимающе спросил его. Чтобы догадаться, что случилось, семи пядей во лбу не требовалось: сейчас мужчины почти поголовно воевали, в тылу их оставалось наперечет – и девушек «тыловики» заводили себе легко, почти не встречая отказа. Одной из таких, по всему, и стала невеста сержанта.

Тот мгновение поколебался, затем утвердительно кивнул, шмыгнув носом. Соьсбек, с одной стороны, был его подконвойным, с ним общаться запрещено; но с другой – выглядел втрое старшим, а доброе слово услышать хоть от кого-то сейчас так хотелось.

«Знаешь, сынок», - человеческие слова дались Соьсбеку без труда: перед ним стоял хоть и враг, но совсем еще

мальчик, да и незлой к тому же, - «Ты не спеши ее винить, а себя казнить. Войне скоро конец, ты молод и красив – на родной земле тебя дожидаются тысячи таких невест, выберешь самую красивую, заживешь. И еще скажу: если девушка характером оказалась легкая – разве не лучше узнать это сейчас - а не потом, когда по углам дома будут резвиться ваши дети?»

Соьсбек говорил и что-то еще, но на сержанта – Алексея, как тот назвался – успокаивающе действовал скорее голос чеченца, чем его слова. Он звучал уверенно, веско: так говорят люди, знающие жизнь не по книжкам. И в какой-то момент разговора Леша поверил, что ничего трагического на самом деле и не случилось.

Алексей вытер лицо и тряхнул чубом, а Соьсбеку протянул папироску (сам закурил тоже). Так меж ними установилась зыбкая и странная, но человеческая связь. Соьсбек узнавал от Алексея новости: и как там дела на фронте, и что с их поездом. Конвоир же находил в нем мудрого собеседника, готового всегда помочь разумным советом. Больше всего сержанта подкупало его уверенное спокойствие – не изменявшее Соьсбеку даже в самых острых обстоятельствах.

Если Алексею удавалось передать ему еды (конвоиров кормили получше, и нередко оставался то хлеб, то похлебка), Соьсбек тотчас относил ее тем из соотечественников, кто ослабел больше прочих.

Именно Алексей предупредил Соьсбека о скором расставании, которое уже скоро ждало чеченцев. Шла третья неделя пути. Первую часть пассажиров поезда высадили в Киргизии.

Действовали при этом по разнарядке, переданной начальнику поезда из самой Москвы. Кто составлял эти бесчеловечные бумаги, разрывавшие семьи, разлучавшие матерей с их детьми? – Верно, ретивые подчиненные Берии, где-то в своих энкавэдэшных кабинетах. Не было

в этих решениях ни милосердия, ни смысла: и если постичь странную логику Империи кто-то и мог, то не Соьсбек.

СОЬСБЕК

Первыми высадили его соседей по Новым Атагам, Кадиевых. Им повезло – если, конечно, это слово вообще подходит для происходившего – всю большую семью сняли на одном полустанке. «Наверное, окажутся все вместе», - порадовался за них Соьсбек.

Что его племянника, Сарали, высадят на очередной станции, Соьсбеку рассказал Алексей. Прощались уже на следующий день. Он выдался ясным, но прохладным – мартовское солнце еще почти не согревало, хотя и светило уже вовсю. Вагон Соьсбека медленно миновал фигурку Сарали, оставшуюся на полустанке. Они с племянником не сводили глаз друг с друга, молчали и знали: встретятся обязательно. Найдут один другого, как только позволят обстоятельства – найдут, сколько бы тысяч верст их не разделяло, и какие бы трудности для этого не пришлось преодолеть.

Еще была высадка в Акмоле, а многие остались в Усть-Каменогорске, городе по казахским меркам довольно большом. В общем, к последней, конечной остановке эшелона в вагоне оставался лишь Соьсбек, его дети да пятеро молодых горных чеченцев из Шатоя. Ни с одним из них раньше он не был знаком, но теперь, после месяца совместного пути, они сблизились как добрые соседи и друзья по несчастью.

Правда, был еще и котенок: Соьсбек подобрал его в Шаманахи. Серый, но какого-то необычного, дымчатого оттенка, тот сидел на дереве у края перрона, когда он его углядел. Котенок взобрался туда, спасаясь от собак, окруживших невысокий карагач целой стаей. Он не мяукал жалобно, не звал на помощь, а только крепко уцепился когтями за ствол – как цепляются за саму

жизнь, когда ей грозит опасность.

Рано или поздно, собаки бы его достали, но Соьсбек рассудил иначе. Он протянул руку, и животное с готовностью схватилось за нее; котенок был так мал, что весь уместился на широкой мужской ладони. Видевшие все конвоиры закрыли на происходящее глаза: видно, инструкций по этому поводу у них не было. Да и конец долгого пути был уже близок, и зверствовать без особой причины никому не хотелось.

Характером котенок оказался независим и горд, никогда ничего не просил, а из людей признавал только Соьсбека: к остальным на руки не шел. Мяукать он то ли не умел, то ли не считал нужным, почти всегда молчал, и только иногда, чуя опасность, угрожающе порывивал. Соьсбек назвал его именем своего давнего серого друга: Борз, и подкармливал, честно делясь всей той едой, что ему доставалась.

Станция, на которой их наконец высадили, называлась почему-то «Безымянная»: видно, затерялась она так далеко в непомерной степи, что и слов других в языке для нее уже не осталось. Да и станция – это, пожалуй, громко сказано. Так, будка смотрителя да скамья без спинки, вот и вся станция. Скамейка была длинная – они поместились бы на ней все вместе, если бы конвоиры разрешили сесть. Но и стоять долго не пришлось, транспорт за чеченцами прислали уже через полчаса. Транспортom оказалась обыкновенная повозка, пара запряженных коней тянула ее довольно резво.

Ехали долго, на место добрались только ближе к вечеру. Там их ждал дощатый барак, невысокий, однако сбитый крепко: строили, похоже, на совесть. Он был разделен на жилые комнаты разного размера. Перед входом в барак сидели группки людей, все они были тоже чеченцы, только из разных поездов. «Около ста человек», - на глаз определил Соьсбек. «И для всех них

это дощатое недоразумение будет теперь домом. Как долго? – одному Аллаху ведомо».

Соьсбек с детьми поселился в отдельной комнате. Ему досталась кровать у окна. Борза Соьсбек устроил на подоконнике: котенок свернулся на его старом пиджаке уютным клубочком и спал, он тоже устал с дороги. Спали - наконец-то в постелях – и дети.

Утром чеченцев определили в бригады, старшим над всеми был казах лет пятидесяти, выбритый так чисто, словно стеснялся растительности на своем лице. Султан Казбекович, так его звали, оказался человеком нормальным, без лишнего: беззлобный, не чуждый справедливости, он выходил из себя лишь в одном случае – когда работа не была сделана вовремя или делалась плохо. Такой повод ему предоставлялся редко: и бригадир, которым назначили Соьсбека, и остальные чеченцы к работе относились добросовестно. «Есть работа – надо сделать», - просто говорил Соьсбек.

«А есть обида – надо ответить», - случалось говорить молодым джигитам. И, к сожалению, слова эти звучали все чаще и чаще.

Место, где жили и работали чеченцы, называлось «Хутор». Кроме их барака, на Хуторе было еще пять таких же: в них, кроме вайнахов, обитали другие депортированные - кумыки, даргинцы и крымские татары – последних было не так много.

А в центре Безымянной, ближе к железной дороге, был еще и «Поселок»: в отличие от Хутора с его бараками, застроенный уже двухэтажными, хотя и тоже деревянными домами; не дворцы, конечно, но с какой-то претензией на удобства.

И если на Хуторе обитали сплошь сосланные, те, кого государство насильно согнало со своей земли, чтобы доставить в эту Тьмутаракань - то в Поселке жили люди,

которые выбрали такую жизнь сами. Точнее, это она, такая жизнь – выбрала их. Были это и не солдаты, и не зэки, и тем более не депортированные: их статус определяло малознакомое Соьсбеку слово «вербованные».

Человек несведущий мог бы подумать, что так называют просто работников разных специальностей, которых завербовали по всем просторам огромной страны, чтобы свезти затем трудиться сюда, в Казахстан. Но это было не совсем так.

Почти все вербованные были бывшими заключенными. И не просто такими, что отмотали немалые сроки по серьезным статьям: это были сплошь законченные, прожженные враги общества: дома их не ждали родные и близкие, не хотели видеть соседи, не желал жить рядом с ними – никто.

Так что завербоваться куда-нибудь подальше от родного дома – было для них самым лучшим выходом после отбытия тюремного срока.

Убийцы, насильники, садисты, калечившие людей не из выгоды, а для удовольствия: никакому «советскому перевоспитанию» этот контингент не подлежал. Достойную компанию им составляла разная мелкая сволочь: ворье, жулики, карточные шулера. Под стать своим мужчинам были и женщины: почти не уступающие им ни в жестокости, ни в разврате да пьянстве.

Люди без рода и племени, давно забывшие не только свою национальность, но и родителей (если такие у них когда-то и были), не верящие ни в бога, ни в советскую власть, они вели жизнь, смысл которой был предельно прост: «укради, убей, отними, пропей». От диких животных их отличало только одно: вербованные были гораздо опаснее.

Наверное, какой-нибудь гуманный советский Макаренко обязательно нашел бы, за что этих людей,

оказавшихся за гранью добра и зла, стоит понять и пожалеть: но вот доведись ему общаться с ними лично – Соьсбек не дал бы за его жизнь и копейки.

Приезд депортантов вербованные поначалу приняли на ура: как же, пригнали стадо новых овец, будем стричь! Но очень скоро поняли, что так как было раньше – с чеченцами не получится. Нашла коса на камень.

Началось с мелких стычек. Теплым апрельским вечером вербованные попробовали «получить» с Анвара, тот один возвращался с пастбища. Денег у Анвара не было: но если бы и были, вот так ни за что ни про что отдать их только потому, что кто-то этого потребовал – даже не пришлось бы ему в голову. Бандитов было пятеро, и Анвара избили жестоко (правда, в больнице потом лежали и двое из нападавших).

Чеченцы нашли обидчиков Анвара быстро – и больничные койки надолго заняли и все зачинщики, и те кто за них заступился.

Через два дня в окна чеченского барака влетела граната; к счастью, осколки никого не задели. А уже наутро дотла сгорел тот дом вербованных в Поселке, в котором они «катали», то есть дулись в карты.

Вербованные попробовали было искать поддержки у местной власти (хоть это и шло вразрез с их же принципами), но быстро выяснилось, что власть в дела своего «контингента» предпочитает не вмешиваться: наблюдая за происходящим хоть и сверху – но со стороны.

Словом, вышло око за око, зуб за зуб. Ни в боевой ярости, ни в физической силе новые поселенцы уголовникам не уступали. И не было обиды, которую они оставили бы неотомщенной. Планы вербованных рушились на глазах. «Держать мазу» в Безымянной – то есть диктовать всем свои условия – у них больше не получалось.

И тогда они попытались ударить в единственное место чеченцев, которое считали слабым. Семьи.

В бригаде Соьсбека поселиться вместе с семьями посчастливилось троим. Каждому – и ему самому, и Мусе, и Хозе – выделили по большой комнате. Вечерами в них звучали не только голоса взрослых, но и беззаботный детский смех. Это поддерживало и дух остальных обитателей барака – чьи семьи разбросало по всему Казахстану.

Конечно, потом, позднее, когда чеченцы как-то обустроятся на новом месте, все три семьи переселятся в отдельные дома: строить их будут всем миром. А пока было так.

И вот первого мая пропала Мижан, жена Мусы, и обе его дочери (сыновья у молодой семьи еще не родились). Они отправились в Поселок, купить продукты в магазине, и не вернулись. То, что виноваты в их исчезновении вербованные, Соьсбек, как и все его сородичи, понял сразу. И дело не только во вражде, возникшей между чеченцами и бывшими зэками: просто больше сделать это здесь было просто некому.

СОЬСБЕК И ВАНЯ РАМИРЕС

В самом Поселке – его проверили в тот же день – людей не оказалось. Искать похищенных следовало в Дюнах. Соьсбек знал об этом месте, таком же необычном, как и человек, который был там главным. Одно имя его уже наталкивало на мысли о какой-то несообразности. «Ваня Рамирес»: так значилось в его паспорте. А дружки-бандиты звали его проще – «Рама».

А Дюны были неким странным капризом Природы, зачем-то соорудившей среди степи эту аномалию. Они представляли собой с десяток квадратных километров самых настоящих, сплошных песков; это был словно кусочек пустыни, перенесенный сюда сказочными

великанами из далекой Аравии. А ветры, которые бывают здесь нешуточными, наметали песок волнами – вот и получались пусть и невысокие, но дюны. Примерно посередине песков в Дюнах вздымались каменистые холмы, образующие причудливые, извилистые возвышения, они были изрыты пещерами. Уже никто не знает, кто и когда эти пещеры создавал – но сегодня их выбрали для своего обиталища головорезы Рамы. Жилось им там вольготно: власть в этом районе Казахстана не имела ни достаточных сил, ни особого желания вторгаться в эту странную вольницу. Тем более политики никакой там не было, обыкновенные уголовники; да и место было самой настоящей крепостью, просто нерукотворной, естественной – поди такую возьми.

Также люди шептались о том, что власть не трогает Дюны и еще по одной причине. Когда нужно было кого-то из поселенцев или местных жителей наказать или напугать, а законных причин для этого не было – тогда обращались к Раме, отказа не было. Так вот они и сосуществовали, бандиты в погонах и обыкновенные злодеи...

В Дюны Соьсбек отправился уже наутро: ждать было опасно. Хорошо, если вербованные придут за выкупом – а если вдруг решат просто покуражиться, дать непокорным чеченцам урок устрашающей жестокости? Соьсбек даже представить не хотел, что тогда может случиться: об изуверствах вербованных рассказывали всякое.

В дорогу он собрался сам, чувствовал, идти надо одному. С остальными, а в спутники ему горячо вызвались почти все, спорил недолго. «Так будет лучше», - просто сказал он, - «Людей ведь надо вернуть живыми».

До начала Дюн его привезли на повозке, дальше следовало идти пешком: в песках вязли как тележные колеса, так и копыта лошадей. «К заходу солнца доберусь», - оценил Соьсбек расстояние до видневшихся

вдалеке холмов. На битой дороге этот путь занял бы втрое меньше: но в песке ноги вязли по щиколотку, быстро идти не получалось.

Всю дорогу Соьсбек думал об этих диких людях, об их необычном предводителе, а также о той задаче, которую он не имел права не выполнить. Он вспоминал рассказы о Дюнах местных жителей: были они наполнены прежде всего страхом; сопоставлял их со своими жизненными наблюдениями, подбирал слова, которые следовало вскоре сказать.

Разношерстный сброд, населявший пещеры Дюн, особой загадки собой не представлял: так, обыкновенные разбойники. В стаю сбились беглые зэки, вербованные (большей частью те же зэки, только отбывшие наказание), а еще местные, не хотевшие трудиться. Они обирали поселковых, и ближних и дальних; угоняли скот у пастухов, нападали на охотников – и сами били степную дичь, которой здесь было немало. Тем и жили.

Действовали, как и звери, по законам стаи: нападали всегда превосходящим числом, жалости к жертвам не знали и из всех доводов признавали единственный – силу. Гордые чеченцы, сосланные недавно в степь и сразу же проявившие характер, представляли собой немалую угрозу для этой «теневого власти» края, и оставить ее без ответа дюновцы не могли. Это было очевидно.

В отличие от своих простых как мычание рядовых бойцов, Ваня Рамирес был персонаж яркий и не вполне обыкновенный; а его причудливая судьба дала бы стоящий материал для работы доброму десятку романистов.

Он появился на свет в далекой солнечной Испании, и был плодом неистовой любви одного тамошнего графа к красавице-русской из семьи эмигрантов. Нарекли мальчика именем, родным для русского уха: но надо заметить, что и у испанцев имя «Иван» встречается тоже.

Природа наградила Ваню недюжинной силой, неукротимым нравом и приятной наружностью: а в нагрузку к этому всучила чудовищно нетерпимый характер.

Уже к пятнадцати годам он был признанным тореро, которого на большую корриду пока не выпускали – но знали, что еще пара лет, и Рамирес превзойдет там всех. Так бы оно, наверное, и случилось, если бы не Ванино острое, как оголенный нерв, чувство справедливости.

Однажды в азарте схватки он увлекся и заколол насмерть быка, которого следовало победить без крови. Затем лишил жизни его хозяина, когда тот, не выбирая выражений, принялся его отчитывать: взорвался в ответ на словесную обиду. После – еще двух полицейских, прибывших к месту происшествия. А пришел в себя уже в тюрьме, куда его не без труда водворили целым армейским взводом.

Срок Ване маячил изрядный, но тут грянула гражданская война. Замки тюремных решеток сбили, и узники оказались на улице, дымной и шумной от гремевших повсюду выстрелов. В политике Иван Рамирес не разбирался совершенно, разницы между франкистами и республиканцами не понимал; но по своей горячей натуре, конечно же, сразу очутился среди воюющих. Так вышло, что это были республиканцы, в рядах которых Ваня проявил такой героизм, что каудильо Франко даже назначил за его голову награду.

Сражался он рядом с добровольцами из далекого СССР, которые и взяли его с собой, когда франкисты в Испании все-таки победили. Но огонь в его крови не угас и после того, как Ваня оказался в Москве, северной и такой холодной после Барселоны.

Причем начудил он на этот раз там, где наоборот следовало проявить весь возможный такт и выдержку. Ваню, совершившего в боях с франкистами немало

подвигов, вместе с другими республиканцами вызвали для награждения в сам Кремль. Увидеть воочию Сталина ему, конечно, не довелось, но вот походя соблазнить жену майора-энкавэдиста он каким-то непостижимым образом успел. Тот был человеком мстительным: Ваню хотя и не посадили, но поразили в правах и выслали: в далекую казахскую степь герой так и поехал – с новенькой медалью на кителе.

Поначалу Иван Рамирес был зачислен в ряды местных правоохранителей, но служба в Усть-Каменогорске, опять же благодаря его поперечному нраву, сразу не заладилась. Два разбитых лица для здешних буйных мест – еще не преступление, да только оба они принадлежали Ваниному начальству. Между замаячившей Колымой и Дюнами Рамирес выбирал недолго: наскоро сколотил отряд из людей, у которых с законом тоже не сложилось, и подался в крепость среди песков.

Начальником – точнее, главарем шайки – Ваня неожиданно для себя получился неплохим. Люди его были сыты и одеты, логово охранялось бдительно; в соседних городках и поселках нашлись агенты, державшие Раму в курсе всех нужных дел (когда и куда повезут деньги и прочее). Дисциплину в рядах бойцов Рама утверждал с первобытной жестокостью: а иначе с вербованными ничего бы не получилось. Двое расстрелянных и один попросту убитый ударом кулака – и желающих спорить с Рамой больше не нашлось. Авторитет его стал безоговорочным.

Маленькая степная армия в первый же год заняла свое место под здешним солнцем, и уже вскоре именем Рамы родители стали пугать непослушных детей; а чабаны, артельщики, приисковые и прочий не самый бедный местный люд – безропотно платили ему дань. Жизнь шла по накатанной, бандитов она устраивала, осечек почти не случалось: пока не остановился в Безымянной поезд из далеких кавказских гор.

«Вот такие непростые люди ждут меня сегодня», - подумал Соьсбек и ожесточился: - «А кунак Муса ждет домой свою семью!»

Весть о своем приезде он в секрете не держал, даже наоборот – вслух рассказал о ней в поселковой забегаловке, где, как он знал, обязательно будет кто-то из стукачей Рамы. Зачем рассказал? – Во-первых, чтобы в Дюнах не пальнули в незнакомца, просто на всякий случай и по причине незнания. А потом, Соьсбек в своей жизни никогда и никого не бил исподволь, неожиданно: обязательно предупреждал, чтобы враг мог встретить его лицом к лицу.

Холмы приближались. Странный пейзаж удивил Соьсбека: все это выглядело так, будто кто-то соединил кусочек его родных гор и безжизненной пустыни. Каменистая гряда высилась в желтом море песка неприступной крепостью. Скальные уступы были покрыты зеленью, кое-где среди них даже приютились деревья. Часовой встретил его на самой границе песка и камня.

«Добро пожаловать, дорогой гость!», - бандит смотрел насмешливо, а слова его звучали издевательски. О визите Соьсбека здесь уже явно знали и были к нему готовы. Часовой приглашающе махнул рукой, и Соьсбек стал подниматься вслед за ним по ступеням, вырубленным в скальной породе. Они миновали несколько уступов, поднимаясь все выше. «Колодец», - отметил не без удивления Соьсбек, когда часовой остановился у входа в главную пещеру. Тот был сложен из камня, с грубо сработанным воротом, но ведро на краю наполнилось свежей водой: с утолением жажды у бандитов проблем явно не возникало.

Соьсбека провели внутрь, где в просторном помещении за длинным столом сидело десятка два мужчин. Выглядели все они молодыми и крепкими, видно, слабых суровая

здешняя жизнь отбраковывает быстро. Во главе стола высился смуглый черноглазый главарь; и был он такой ширины в плечах, что Соьсбек сразу понял – Рамой его прозвали не только из-за фамилии «Рамирес».

«Что ж, садись, человек», - Рама чуть улыбнулся и указал на свободное место рядом с собой, на Соьсбека он глядел с нескрываемым любопытством, - «В ногах правды нет. И в словах ее тоже нет – хотя нам все-таки интересно, какие слова ты скажешь, незнакомец. Ты пришел один: это говорит или о твоей смелости – или о неуважении к нашему обществу. Мы тебя выслушаем: а после или будем кушать с тобой за этим столом – или наши собаки будут кушать то, что от тебя останется», - и Ваня Рамирес кивком головы пригласил гостя к разговору.

Подниматься на ноги Соьсбек не стал, заговорил сидя, лишь гордо выпрямил спину: «Я расскажу вам о своем народе, о чеченцах. О том, что вам они ничем не угрожают – и о том, почему их нельзя обижать безнаказанно. Я расскажу вам все это потому, что есть только два возможных исхода: или я вернусь на Хутор с людьми, что сейчас у вас в плену – или мы все умрем, я сразу, а вы чуть позже».

Соьсбек говорил негромко, размеренно, постепенно бандиты стихли, прислушиваясь, и общим вниманием он завладел прочно.

«Есть на свете место, где живет мой народ – это горы Нохчи-Чоь. Люди, что их населяют, не боятся смерти: хотя это и не значит, что они не дорожат жизнью. Просто для каждого чеченца с детства не подлежит сомнению: есть вещи важнее самой жизни. Честь мужчины, его долг перед семьей и всем родом, его свобода и свобода всего народа: этих вещей немного, но за каждую из них каждый чеченец отдаст свою жизнь не задумываясь. Поэтому нас, за многие прошедшие века, никто не побеждал:

ведь победить по-настоящему можно только тех, кто выше всего ценит собственную жизнь», - тут Соьсбек на мгновение смолк и оглядел людей за столом. В пещере царила тишина, люди даже отодвинули от себя еду, чтобы стук мисок не мешал им слушать. Затем Соьсбек продолжил.

Он рассказал им истории о славном Байсангуре и доблестном Бено, о бесстрашной Забри и семи ее сыновьях – он рассказал им ту правду о чеченцах, которую в детстве рассказывал ему дядя Айдамар (Соьсбек сожалел, что Айдамар уже ушел из жизни – но был рад тому, что случилось это еще до депортации – и дядя покоится в земле своих предков).

Он поведал многое, и не говоря ничего прямо, дал им понять, что если пленников сейчас не отпустят – то чеченцы непременно станут за них мстить. До последнего живого человека в Дюнах. И только вопрос времени, когда это случится...

Бандиты слушали его, как дети слушают красивую сказку: Соьсбек говорил складно, его речь лилась как горный водопад. А когда в конце рассказа на лицах некоторых проступило откровенное недоверие (мол, сказка она и есть сказка), он добавил:

«Цена словам, за которыми ничего не стоит – ломаный грош. Все, что я вам сейчас рассказал – чистая правда. А ответить за каждое свое слово я готов вот как», - и Соьсбек предложил им то, чего не предлагал еще никто из тех, кто когда-либо переступал порог этой пещеры: поединок. Он вызвался драться на ножах, потом сойтись в кулачной схватке без оружия, а в завершение – стреляться из винтовок.

Вербованные оживленно загудели. Дерзкий гость удивил их: но в предвкушении скорого – и кровавого - развлечения об этом забыли почти сразу. Рама посмотрел было на него в сомнении – Соьсбек явно разменял

уже седьмой десяток, куда ему? Но взглядевшись в гостя пристальнее, изменил свое мнение: фигура у того поджарая, сухая, спина прямая, плечи широкие. «Избиения младенцев, похоже, не будет, годы берут не всех. Да и всяко это интереснее, чем просто зарезать его как барана», - и Ваня Рамирес дал свое согласие.

«Но если все три раза побеждаю я – вы отдаете мне пленников», - Соьсбек то ли спрашивал, то ли просто озвучил то, что уже и так было для всех очевидным. Рама кивком подтвердил условие Соьсбека.

Из пещеры вышли на улицу. Там как раз была ровная, почти круглая площадка шагов двадцати в поперечнике: места для поединщиков хватит с избытком. «Сперва на кулаках, дальше ножи, последними ружья», - определил порядок боя Рама, - «Кто победил, тот имеет власть над жизнью проигравшего, отнять или оставить – его право и решение».

Первым противником Соьсбека оказался угрюмый Кедр, так прозвали сибиряка, чье настоящее имя все уже давно забыли. Богатырского роста мужчина лет тридцати, он цепким взглядом обожеал фигуру чеченца, что был вдвое его старше, ничего угрожающего в ней не нашел и даже хмыкнул. Драка, что сейчас начнется, виделась ему легкой прогулкой, эта беспечность его и подвела.

Мышцы Соьсбека под одеждой не бугрились, но они были литыми, как пушечное ядро, не наеденными дармовым мясом, как у разбойника – а дарованными ему тяжелым трудом и чистым горным воздухом. А умение в борьбе и кулачном бою Соьсбек оттачивал сызмальства: в Новых Атагах дрались и боролись все мальчишки: но это было не проявление вражды – так чеченцы воспитывали своих будущих мужчин испокон веков.

Кедр успел махнуть своими пудовыми кулаками всего дважды. Оба раза они лишь рассекли воздух над головой Соьсбека. А спустя мгновение вербованный уже лежал,

опрокинувшись навзничь: перед этим проделав какой-то сложный кульбит, только босые пятки мелькнули. Соьсбек сидел сверху, шею Кедрa он взял в замок и сжимал, по капле выдавливая жизнь из могучего тела. Все случилось так быстро, что бандиты толком ничего не успели понять. Они сгрудились вокруг, подбадривая Кедрa криками и советами, и еще не понимая, что в советах тот уже не нуждается. Его шея вздулась, лицо стало багровым, глаза понемногу забирало поволокой.

Продолжая сжимать шею противника, Соьсбек поглядел на Раму и прочел на его лице сожаление: чем-то Кедр, похоже, был ему дорог. Чеченец ослабил захват, затем полностью разомкнул замок и поднялся на ноги. Кедр продолжал лежать, сознание не покинуло его полностью, но и не было ясным. Лишь спустя несколько минут, которые прошли в гробовом молчании, он заворочался и с трудом сел. На лице его отразилось безмерное удивление, уступившее затем место стыду. «Ну и удавил бы уже совсем, чего там?», - буркнул он в сторону Соьсбека, и неверной поступью направился вглубь пещеры.

На ножевой бой из стана Рамы вызвался араб Абу, черный как безлунная степная ночь. Смешки, на которые зрители были щедры перед первой схваткой, теперь стихли, чеченец не показал себя легкой жертвой, как этого ждали.

Абу достал нож с гордостью, живым серебром тот блеснул на солнце. «Дамаск», - определил Соьсбек и вытащил свой верный кинжал, тоже работы дамасских мастеров. Был он почти вдвое длинней, чем клинок араба. Подарок дяди Айдамара, он не раз сослужил Соьсбеку самую добрую службу.

При виде его ножа лицо Абу вытянулось, он что-то скороговоркой буркнул себе под нос – и не пошел Соьсбеку навстречу, как можно было бы ожидать, а

наоборот, сделал несколько шагов назад.

«Будет бросать», - понял Соьсбек и напрягся, проверив готовность тела метнуться в сторону. Бросать нож издали было можно, в здешних местах нарушением правил боя это не считалось. Проблема у такой тактики одна: если при броске клинок не найдет свою цель – тогда бросивший его остается безоружен. Абу это знал, но опасность остаться с голыми руками его не останавливала – был в себе уверен. Он стал медленно заносить руку для броска. Зрители расступились, преграждать дорогу летящей стали своим телом никто из них не собирался.

И вновь Соьсбек повел себя не так, как от него ждали все – и в первую очередь Абу. Он не стал метаться на линии броска, делать обманные движения, раскачивать торс из стороны в сторону. Соьсбек оставался полностью неподвижным. Он смотрел на Абу немигающим взглядом (без тени испуга), словно гипнотизировал его. А уже почти в момент броска вдруг коротко и отрывисто выкрикнул: «Хоп!». Рука араба дрогнула лишь самую малость, но этого хватило – нож просвистел у самого уха чеченца и упал где-то далеко сзади, среди камней. Соьсбек так и не пошевелился.

Лицо противника помрачнело, он обреченно опустил плечи. Видно, прежде никогда не промахивался, и теперь даже не знал, что ему следует делать дальше. Но Соьсбек не стал наслаждаться его растерянностью. Свой кинжал он метнул почти без замаха, таким быстрым движением руки, что толком его никто и не разглядел. Чалму с головы араба словно ветром сдуло, и стало видно, почему он ее никогда не снимал: под чалмой была лысая, как колено, голова. Абу мотнул ею по сторонам – и увидел свой головной убор, пригвожденный клинком Соьсбека к дереву, растущему в пяти шагах позади.

Если до этого все выглядело устрашающе, то сейчас вид лысого, растерянного Абу вызывал скорее улыбку:

и окружавшие их зрители залились дружным хохотом. Не смеялся один Ваня Рамирес, он смотрел на Соьсбека пристально, и во взгляде главара чеченец прочел понимание: «Захотел бы – убил бы. Но – не захотел».

Клинок Абу, переданный ему разбойниками и принадлежащий теперь победителю, Соьсбек вернул Рама: «Мой служит мне верой и правдой, и другого мне не надо». Он был спокоен, дыхание даже не сбилось: по всему, готов к завершающей части поединка.

Перед этим возникла недолгая заминка: ведь Соьсбек явился в Дюны без ружья. Рама положил перед ним три на выбор. Русская трехлинейка, ровесница Соьсбека, интереса у чеченца не вызвала. Бьет далеко, но громоздкая, да и осечки случаются не так уж редко. Хорош был английский «Ремингтон», исключительно надежная вещь точного боя. Но Соьсбек выбрал третью – охотничью винтовку из Тулы. В горах ее так и звали: «тулка», и за лесной дичью он ходил с такой не один раз.

Такое же ружье было и в руках бандита, назначенного ему в соперники. Северянин, носивший имя Удуг, хакас по национальности, имел прозвище «Малыш» - ростом он совсем не вышел, впрочем, как и телосложением. «Кормили плохо», - хмуро отшучивался он на подначки. Зато зверя - и в тайге, и здесь, в степях, Удуг бил издали и без промаха.

«Трудная мишень», - сказал о нем Рама, глядя на Соьсбека, - «попасть непросто», и изложил правила боя. Поединщикам предстояло по команде разойтись в разные стороны и покинуть пески: бой будет в степи, и прежде чем стрелять, им надо будет еще друг друга обнаружить. Словом, получалась обыкновенная охота, только охотиться станет человек на человека. И кто из них двоих окажется дичью – станет ясно уже совсем скоро.

Рама дал команду, Малыш юркнул в ту сторону,

куда собиралось садиться солнце, Соьсбек степенно направился в противоположную. Охота началась.

Зрителей эта забава не предусматривала, и остальные вернулись в пещеру, чтобы продолжить прерванную трапезу. За столом живо обсуждали две предыдущие победы чужака: удивляясь силе и ловкости явно уже немолодого чеченца. Пристыженные Кедр и Абу сидели в самом конце длинного стола и ела молча. Сказать им было нечего: только что каждого посрамили в том виде воинского умения, в котором они считались лучшими среди своих товарищей, что еще тут скажешь?..

Выстрелы в степи зазвучали, едва минутная стрелка на больших настенных часах успела обежать циферблат. Стреляли четырежды, и это было уже непонятно: обычно Удугу достаточно было нажать на курок один раз. Чьи были выстрелы, тоже неясно: ружья одинаковые, звук выстрела тоже. В общем, догадки строили на все лады, но недолго.

На пороге пещеры показался Соьсбек, Удуг был зажат у него подмышкой, а обе «тулки» висели за плечом. «Свинец нынче дорог», - обратился чеченец к Раме, - «Так что пули я тратить не стал. Обошлось и так». Он отпустил Малыша, тот плюхнулся на каменный пол. Руки его были умело связаны за спиной, под глазом расплывался свежий кровоподтек. «Не хотел сдаваться», - пояснил Соьсбек. И сел на скамью напротив Рамы.

Охота выдалась для чеченца нетрудной. Соьсбек устроил засаду, несколько раз шумнул в сторону от нее (откуда и четыре выстрела Удуга мимо цели) – после чего подкрался и сгреб Малыша за шкуру, как нашкодившего мальчишку. Все дела.

В наступившей тишине было хорошо слышно, как возятся под столом собаки с костями. Миску перед Соьсбеком наполнили похлебкой, ел он быстро, но без жадности. Когда ложка заскребла по дну, поднял глаза

на Раму и откашлялся:

«Ты здесь старший, Ваня, значит умный. А раз умный, ты все понимаешь. Я победил и верю, что вы люди честные: хотя бы перед самими собой. Это значит, что сейчас я уйду на Хутор, и уйду вместе с теми, за кем сюда явился.

А если случится иначе, дурная кровь в жилах твоих людей пересилит, и живым я не выйду, то знай: уже скоро сюда придут мои земляки – и не такие немощные и старые как я», - Соьсбек говорил все это без тени улыбки, - «а молодые и полные сил. И они спросят с вас за все».

«Ты говоришь верно, Соьсбек», - Ваня Рамирес впервые назвал его по имени, - «и ты покинешь нас вместе со своими людьми. Уговор есть уговор, а Рама слово держит».

Он махнул рукой, и в пещеру ввели Мижан с девочками. Если они и были напуганы, то вида не показывали, держались гордо и с достоинством.

«Только я хотел сказать другое», - эти слова Рама произнес уже на улице, куда вышел провожать Соьсбека и девочек, вышел один, дав знак остальным не покидать пещеру - «Ты мог найти здесь свою смерть – но пришел сюда без колебаний. Ты мог убить всех троих моих людей – но не сделал этого. Не стал глумиться над ними и выставлять на смех – хотя остальные были готовы посмеяться. Ты поступил как мужчина: которым был когда-то и я», - Рама вздохнул с горечью.

«Я поставил не на ту карту – и мне уже никогда не стать праведником. Да я на самом деле и не хочу этого!» - тут темные испанские глаза Рамы остро блеснули, - «Но тебе скажу так. Если бы жизнь позволила мне выбирать надежных друзей – то я знаю, на ком бы остановил свой выбор...

И еще: людей твоего народа люди Дюн больше не станут трогать. У вас есть сила, но это другая сила, она нам не угрожает. Живите с миром», - и Ваня Рамирес протянул ему «тулку», ту самую винтовку, из которой Соьсбек так и не выстрелил.

Он еще долго стоял на краю утеса, глядя как фигурки Соьсбека и идущих с ним женщин, уменьшаясь, тают в песках.

Если вы спросите, зачем в этом рассказе отведено так много строк Раме, человеку чужой крови и иной души, ответ будет простым: во-первых, Ваня Рамирес сдержал свое слово – и с этого дня вербованные (во всяком случае в Безымянной и окрестностях) перестали задевать чеченцев. В других местах – Казахстан большой - стычки случались, а здесь нет.

А во-вторых, разве не является Рама человеком ярким и необычным, одним из тех, достойных упоминания людей, с которыми судьба свела Соьсбека на его непростом жизненном пути?

...Вернувшись на Хутор, Соьсбек передал девочек счастливому Мусе, обнялся с соплеменниками, но от рассказа о том, как все было – уклонился. «Завтра», - пообещал он всем. А поздно вечером, сидя у убогого, подслеповатого оконца барака, он принял важное решение: его, Соьсбека семья ведь тоже где-то в здешних местах, разбросана по степям и весям. И он обязательно соберет ее вместе – причем сделает это в самое ближайшее время».

С этого дня мысль о воссоединении с родными уже не давала ему покоя. И как только позволили обстоятельства (увы, случилось это не так скоро как ему хотелось: прошли долгие годы), Соьсбек отправился на поиски родственников.

САРАЛИ.

Сарали сидел с небольшим узелком в руке, прощаясь со своим временным пристанищем. Была середина лета, и в окружении сочной зелени дом уже не казался убогим – изба как изба. Худо ли, бедно ли, но она служила ему домом целых три года. За это время случалось всякое, но особенно Сарали почему-то запомнил тот первый настоящий снегопад, что засыпал их в первую после его прибытия зиму.

...В тот день он проснулся и сел на постели в полной темноте. В комнате было сумрачно - не потому что еще рано: просто дом совсем замело снегом. Причем замело не так, как это бывает на родине, в Нохчи-Чоь, где снег, в который ноги уходят до колен – это уже событие.

Здесь, в Киргизии, снегопады другие: в иную зиму степь укрывается многометровым снежным покровом, как одеялом, вплоть до самого апреля. Зная об этом, местные делают очень высокие, выше человеческого роста, дымоходы: такой и снегом не заметет – и будет хороший ориентир для тех, кто станет потом откапывать засыпанные по самую крышу жилища.

Сарали с усилием открыл забухшую дверь, умылся снегом, что стоял за ней сплошной стеной, и взялся за лопату. Вскоре к нему присоединился верный друг Салман – вдвоем работа пошла веселее. Две тропинки им следовало прокопать в первую очередь – к сараю, в котором находится домашний скот, и – здесь Сарали покраснел – к отхожему месту. С этой работой друзья справились к полудню, после чего хозяйка позвала их перекусить чем бог послал. Чечевичная похлебка в миске поглощалась мальчишками без восторга, но голод кое-как утоляла. Что ж, разносолами воюющая страна свой тыл не баловала; есть что забросить внутрь, вот и уже хорошо. Таким выдался тот далекий зимний день: который Сарали

и сегодня помнил во всех подробностях...

Рядом с ним сидел Салман, друг и ровесник. Обоим в депортацию исполнилось по двенадцати лет, оба вместе и работали, и играли, и отбивались от косоглазых киргизских мальчишек – когда те налетали стайкой, мстить за какие-то свои обиды. Хотя в общем маленькие чеченцы жили с ними неплохо и даже дружно: ссорились нечасто, да и знали местные – в драке и Сарали, и Салмана следует опасаться, лучше бы обойти стороной.

Сейчас друзья – уже пятнадцатилетние юноши, на лицах пробивались первые усы – прощались, и им было грустно. У Салмана родственники жили здесь же, в небольшом степном селе, а вот Сарали со своими разлучили, как только их поезд сделал первую остановку. И лишь недавно, спустя годы, он узнал, что всего в неделе пешего пути отсюда (сколько это выйдет в километрах, мальчик сказать не мог), в городе Токмак живет его старшая сестра Серижа. И не просто живет: она неплохо устроилась по работе, и никому из своих, чеченцев, не отказывает в помощи.

А вместе с Серижей в доме жили и другие его родственники, по которым Сарали, конечно же, очень соскучился. Словом, надо было отправляться в путь...

Скарб, что собрали ему в дорогу, был нехитрым: краюха хлеба, ломоть сыра (от хозяйки дома, говорливой Сациты), две лепешки – да еще жвачка, подаренная ему Салманом. Эта самая жвачка была их, Сарали и Салмана, собственным изобретением. В измельченные зерна разных злаков они добавляли съедобную смолу – такую часто жевали местные пастухи – вот и получалась эта штука. Жевать ее можно было долго, она не насыщала, зато придавала сил. «В пути точно будет нелишней», – подумал Сарали.

Они с Салманом сказали друг другу последние слова, пообещали обязательно свидеться как только смогут, и

обнялись на прощание. Когда Сарали вышел за село и углубился в степь, жаркое утреннее солнце светило ему в спину – путь лежал на запад. Так, по солнцу и звездам, он и ориентировался всю долгую дорогу: не было ни компаса, ни дорожных указателей. От встречных прохожих, особенно больших групп людей, Сарали прятался в поле: люди разные, мало ли что на уме.

Да и свежи были в памяти рассказы сельских мальчишек о кочевых степняках – что советскую власть не признают, живут по своим законам, а тех, кто попадетс я им на пути, забирают в самое настоящее рабство.

Стада у кочевников большие, и пасти их от рассвета до заката Сарали не соби рался, у него были другие планы, вот и скрывался среди степной зелени, только завидев пыль из-под копыт.

Ночевал он тоже сторожко, укрывшись от чужих глаз. Обычно находил стог сена, в которое и зарывался с удовольствием: душистое, свежескошенное, оно не только согревало в ночью прохладу – но и, отбивая запах, надежно скрывало его от волчьих стай, что были признанными хозяевами степной ночи. А однажды, в чистом поле, не найдя к вечеру никакого укрытия, влез на одинокое дерево, где и провел ночь, то ли спал, то ли чутко бдил в полудреме, чтобы не свалиться вниз.

С едой у Сарали было не то чтобы хорошо, но сносно. Узелок с харчами он развязывал нечасто, зато каждый день сворачивал в поля (была как раз пора урожая) и набивал карманы зернами из необмолоченных еще колосков. Их и ел, запивая родниковой водой, и особо на голод не жаловался. Хотя ко дню прибытия в Токмак он все же отощал, и лицо его немного вытянулось.

Как только первая радость от встречи с сестрой улеглась, Серижа усадила его за стол, уставленный едой, и предупредила: «Смотри, очень уж не усердствуй. Кушай лучше часто, но понемногу, сразу досыта есть

нельзя, умрешь – уже были здесь такие случаи». Говорила Серижа вроде бы и шутливо, но в голосе сквозила такая любовь и такое участие, что Сарали украдкой вытер подступившие слезы.

В Токмаке Сарали быстро окреп: добрая еда, сестринская забота и молодой организм сделали свое дело. Плечи его раздалились, руки налились мужской силой, и уже через месяц Сериже пришлось подыскивать для него новую одежду – та, в которой Сарали пришел, трещала по всем швам. Вопрос решился так, как в то время решали многие вопросы. Муж Серижи отправился на базар, где и выменял новую одежду для Сарали на еду. На еду, которой многим не хватало – тогда можно было выменять все, что только необходимо.

А чуть позднее Серижа устроила Сарали на учебу. Во Фрунзенском кооперативном училище ему нравилось: Сарали от природы был любознательным, и каждый день узнавать о жизни что-нибудь новое он любил.

Новости о других чеченцах и до Серижи, и до Сарали доходили в основном через местных. Ведь киргизы ездили по республике куда и как хотели, тогда как вайнахам любые перемещения запрещал закон. Справедливостью в этом законе и не пахло: а вот жестокости в нем было хоть отбавляй. Так, если чеченец покинул место своего поселения (и неважно с какой целью) без особого разрешения местного отдела НКВД – ему светило двадцать (!) лет лишения свободы. Для сравнения: за убийство в те годы давали всего десять.

От киргизов Сарали и узнал радостную новость: оказывается, его родные – мама Халипат, сестренки и братья, другие родичи – все они живы (правда, мама парализована и не может ходить), хотя судьба и помотала их по свету – забросила сначала в Шаманахи, а остуда их забрал к себе в Усть-Каменогорск дядя Соьсбек..

С того самого дня, как юноша об этом услышал, он

больше не находил покоя. Ни на работе, где уже успел проявить себя с лучшей стороны, ни с друзьями (молодых чеченцев оказалось в Токмаке немало), ни в доме дорогой сестры. Он часто уходил в себя, мог ответить невпопад, - словом, душа его была не на месте.

Серижа видела его метания, и хотя Сарали ничего ей не говорил, сама поняла все. И однажды вечером сказала: «Родная кровь зовет тебя, Сарали. Противиться этому зову негоже, надо ехать. Ладно я, женщина, здесь уже как-то прижилась: тем более что есть работа, дом, и возможность помочь нашим. Но ты, мужчина – поезжай!»

И Сарали, точно только этих слов и ждавший, сразу засобиравшись в дорогу.

СОЬСБЕК

...Военные сороковые остались позади. На дворе стояли пятидесятые...Кремлевский тиран продолжал железной рукой править своей рабоче-крестьянской империей, но оставалось ему совсем недолго. Страшное слово «враг народа» еще слетало с уст судей: но в лагерях оно уже перестало быть смертельным приговором. Великая Война унесла миллионы жизней, разруха была ужасающей – но страна потихоньку поднималась с колен и расправляла натруженные плечи. Недалек был уже и тот день, когда депортацию признают страшной, трагической ошибкой, и чеченский народ обретет возможность вернуться на родную землю.

Жизнь – продолжалась!

Дом, который Соьсбек достроил перед самой зимой, был таким вместительным, что вся его большая семья легко разместится в нем, и еще останется место. Вся семья в полном составе: сестра, племянники и племянницы – словом, и все те, кто сейчас находится в Шаманахи, и те кого еще предстоит найти: он это сделает обязательно!.

О том, что его родные живут в этом киргизском поселке, Соьсбек узнал год назад. Первой его мыслью было отправиться за ними сразу же, без промедления. Но Соьсбек себя остудил: а что он мог им предложить? Перебраться в Безымянную – и жить там в бараке, продуваемом всеми ветрами? Нет!

Вначале Соьсбек сам перебрался в Усть-Каменогорск: у кожевенной фабрики, на которой он трудился, была там главная контора.

А затем он решил построить в городе дом, удобный, крепкий и просторный, - и уже только после этого ехать за родней в Шаманахи.

Деньги на строительство были: Соьсбек уже не первый год добросовестно трудился, платили ему хорошо (а по советским послевоенным меркам – так вообще отлично).

А еще помогли земляки: первым был Муса, чью семью он тогда спас, затем друзья, да и вообще не отказал ни один из здешних чеченцев. У большой компании работа спорилась – меньше года ушло на то, чтобы окраину Усть-Каменогорска украсил этот основательный, чем-то неуловимо похожий на сказочный замок, дом. Особенно тщательно выкладывали каменный очаг: он получился огромным, под стать самому дому, и наверняка будет теперь на совесть согревать всех долгими зимними вечерами.

По комнатам дома на полу были разложены шкуры волков, косуль, рысей и прочей живности, на которую Соьсбек охотился время от времени. Его винтовка, верная «тулка», подарок Вани Рамиреса, не знала промаха, шкур хватило на каждую комнату, а было их в доме немало.

Рамы больше не было на этом свете, как не было и его лихой степной вольницы: два года тому Дюны окружил целый полк красноармейцев, был бой, живым из которого не вышел ни один бандит. Но легенда о том, как случилась

их с Соьсбеком встреча, и чем она закончилась – будет еще долго гулять степными просторами, зажигая глаза мальчишкам, не отводящим глаз от рассказчиков...

Соьсбек еще раз окинул дом одобрительным взглядом и вскочил в седло. Он был в лихой бурке, на голове красовалась папаха: все как и положено настоящему горскому мужчине. На коне Соьсбек держался легко, и его семь десятков лет всаднику не дал бы и самый последний недоброжелатель.

К сумке седла был приторочен холщовый мешок с подарками для родных. Мешок большой, подарков много: ведь одних только дочерей у Халипат три, а вместе с ней живут ведь и другие родственники.

Он потрепал скакуна по шее, и тот взял с места в карьер. Они смотрелись красиво: сильный, гордый конь и статный всадник – встречные невольно засматривались на них.

Перед отъездом Соьсбек созвал своих и сказал им так: «Я отправляюсь, чтобы собрать вместе всю нашу большую семью. Этот дом потому и такой просторный, что должен дать приют всем нам. Я верю, что вы будете рады видеть наших родных. Ну а если кто-то из вас не хочет делить с ними кров и стол – тот может хоть сейчас уходить отсюда», - последние слова были, наверное, шуткой, но кто знает: Соьсбек произнес их с самым серьезным видом.

«И еще», – добавил он напоследок, - «если я не вернусь, знайте: меня больше нет среди живых. Тогда держитесь друг за друга, не давайте никого из наших в обиду и живите достойно. Но я – вернусь!» - и глаза Соьсбека сверкнули совсем как в молодости.

За всех ему ответила верная жена, Маржан: «Мы даже и не думаем о том, что ты можешь не вернуться: тем более со всеми нашими. А уж о том, что мы все до единого будем рады жить с ними в одном доме – ты мог бы даже

и не спрашивать. Возвращайся скорее, и возвращайся с победой. Храни тебя Аллах!»

А невестка Соьсбека, Мар1ат, добавила: «Мы разделим с ними каждый кусок хлеба, который есть в этом доме – и его хватит на всех нас. Мы станем говорить друг другу только добре слова – и их хватит на то, чтобы здесь навсегда воцарились мир и согласие. Мы станем ждать вас домой изо всех сил!»

Чтобы сомнения Соьсбека были понятны каждому, кто читает эту книгу, следует сказать несколько слов о том, какие трудные времена были тогда. В степи царила послевоенная розруха, в которой еды отчаянно не хватало – и каждый лишний рот в семье мог означать серьезные проблемы. Настолько серьезные, что люди даже отдавали своих детей в детские дома – не желая того, отрывая их от сердца – только для того, чтобы сохранить малышам жизнь (в Домах Ребенка их все-таки как-то кормили).

Так что прибавление в семействе, о котором говорил Соьсбек, означало не просто возросшее число жильцов в доме: это был еще и трудный вопрос того, как прокормить всех.

Не могу также не упомянуть отдельно, каким замечательным человеком была жена Соьсбека, моя бабушка Маржан. Ее доброта, заботливость, нежность, ее внимание к каждому маленькому члену нашей семьи – это так согревало всех нас в детстве! Никто из нас, кстати, никогда не называл ее полным именем, Маржан. Все мы обращались к ней исключительно тепло, по-родственному: «Мажани». Столько лет уже минуло с тех пор, а я хорошо помню все это и сегодня: и буду помнить всегда...

Опасностей в дальней дороге и вправду хватало: прежде всего надо было остерегаться конных разъездов милиции; да и просто недобрых людей в бескрайней степи тоже было немало.

Но судьба, видно, хранила Соьсбека, да и застать опытного джигита врасплох было никому не под силу – так что до Шаманахи он добрался благополучно. Зимний поселок встретил его таким заснеженным, что Соьсбек долго не мог найти дорогу к нужному дому. А когда все же нашел, то глазам его предстала удивительная картина: высокий холм снега, из котрого торчала труба дымохода. Дом замело по самую крышу.

Соьсбек знал, какая работа его ждет, уже в сельсовете, куда заехал сразу, как прибыл в Шаманахи. Там не только рассказали, где искать Халипат, но и выдали ему большую лопату. Ею Соьсбек, засучив рукава, и принялся откапывать своих родичей из-под снега.

Когда работа была закончена, дверь ему отворила Зура, племянница. Он прошел в дом и, склонившись к Халипат, обнял парализованную невестку. Они с Халипат надолго приникли друг к другу.

Соьсбек сдержал данное себе обещание: он нашел родственников. Теперь всех ожидала новая дорога - к их общему дому...

Наутро он отправился на могилу Арсбека: где долго стоял, вспоминая любимого брата. Судьба обошлась с Арсбеком неласково, последнее пристанище он нашел на чужбине. Но и он, Соьсбек, и все остальные – они будут помнить дорогого Арсбека всегда.

В Шаманахи Соьсбек пробыл три дня, помог родне собраться, договорился с водителем крытого тентом ГАЗа – и к весне все они уже обживали только что построенный им дом в Усть-Каменогорске.

САРАЛИ

Багаж его был на этот раз основательный – целый чемодан, старый, но прочный, с окованными железом углами, Серижа наполнила провизией, а еще подарками для родни.

Поле, как тогда, впервые, такой путь было не одолеть, это Сарали понимал хорошо. Добрая тысяча верст, предстоявшая ему – это, конечно, железная дорога. Но пассажирские поезда, где сначала спросят документ, а потом в лучшем случае ссадят его на ближайшей станции, были для Сарали закрыты. Оставались товарняки. Что же, такая перспектива его не пугала – хуже, чем в том «телячьем» вагоне, в котором их вывезли сюда в 1944-м, все равно не будет.

И он отправился в дорогу.

Четыре поезда сменил Сарали за время своего путешествия. Спал он на сене, места было вдоволь: из России эшелоны, везшие туда зерно, возвращались пустыми. По этой же причине содержимое вагонов не проверяли – да и что там искать «органам», если груза все равно нет?

Ему запомнилась одна из станций, уже в Казахстане, поезд стоял там почти сутки. Название городка Сарали не разглядел, примечательным было другое. На дворе стояла осень, пора сбора фруктов. А роскошный, огромный яблоневый сад начинался сразу же за перроном. Столько яблок, как тогда, Сарали не ел больше никогда в своей жизни. Ароматные, удивительно сочные, крупные – все они были до краев налиты щедрым казахским солнцем. Сарали лакомился ими прямо в саду, усевшись меж деревьев; ел их в поезде, куда загрузил целый большой ящик (нашел его в своем же вагоне), и все никак не мог пресытиться. А десяток самых больших, самых красивых он придирчиво выбрал и положил в чемодан – встреча с родными была уже близкой.

Усть-Каменогорск оказался городом довольно большим: прежде таких Сарали видеть не доводилось. Он изрядно поплутал по его извилистым улицам. Рассмотрел городской рынок, походил меж его рядами, изобилие фруктов было понятным, но глаз радовали и

мясные ряды, которые тоже не пустовали.

Заглянул и на центральную площадь города, по которой живо сновали люди.

Что в Усть-Каменогорске много чеченцев, Сарали определил не только по лицам: у многих прохожих своими чертами они напоминали его собственное. А и по тому, что милиционеры, встреченные трижды, ни разу не спросили у него документы, это говорило о многом.

Сарали расспрашивал земляков о том, где ему найти Арсбека и Соьсбека. Так он и узнал – от соседей по Новым Атагам - что Арсбека больше нет среди живых: а вот дом Соьсбека ему следует искать на окраине. Сарали некоторое время печально постоял, мысленно прощаясь с отцом – а затем пошел по улице, ведущей из города, теперь уже не торопясь, цель была рядом.

На пороге дома, который он искал, Сарали ненадолго остановился, улыбнувшись совсем мальчишеской (хотя в дороге ему стукнуло уже восемнадцать) улыбкой: «Сейчас он увидит любимую маму. Нана, как же я соскучился... Ну и, конечно же, всех остальных!»

А затем разглядел за окном дома черноволосую девчоночью головку, и услышал задорный голос: «Мама, мама, смотри, как этот парень похож на нашего Сарали!»

«Тамара, сестренка», - понял Сарали, и наконец, впервые за долгие недели дороги, расслабился. Все осталось позади. Он был дома...

Его встречали все, кто был в доме – и все, кого он так хотел увидеть вот уже многие годы. «Слава Аллаху, все живы!», - Сарали с радостью смотрел на своих сестер Ахпату, Тамару и Зуру. Брату Абдулле он крепко пожал руку. К парализованной маме он нежно склонился и осторожно обнял, прижав к своему сердцу. «Сколько раз я тебя хоронила, мой маленький Сарали»,

- сказала Халипат, - «Но ты не только жив, сын, а еще и превратился в настоящего мужчину!»

«Как жаль, что Арсбек не с нами сейчас», - добавила она чуть погодя, - «Если бы его сердце не остановилось тогда – то сегодня оно наполнилось бы светлой радостью».

Затем все, кроме Халипат, вместе вышли на улицу, встречать Соьсбека: он был на работе, но о возвращении Сарали ему уже сообщили. Ждать пришлось совсем недолго. Дядя Соьсбек и брат Дарценка шли по улице так быстро, что все время сбивались на бег. И Сарали не выдержал – и побежал навстречу, раскинув руки. Они обнялись, сначала с Соьсбеком, затем с Дарценкой, и все пошли в дом.

После был ужин, мама велела подать на стол все вкусное, что только нашлось в доме. Сарали кушал, а остальные рассказывали ему новости, стараясь успеть поведать побольше.

«У нас за городом неплохие сады», - в завершение ужина сказала Халипат, - «Но таких вкусных яблок, как привез ты, я здесь не пробовала».

«Ты так вырос, Сарали, совсем мужчина уже, Арсбек бы тобой гордился», - добавил Соьсбек.

Душа Сарали наполнилась теплом и покоем. Так безмятежно, как в эту ночь, он не засыпал уже много лет подряд.

СВАДЬБА САРАЛИ.

Дальнейшие события понеслись вскачь, как хорошо прищипоренная лошадь. Они сменяли друг друга с такой скоростью, что запомнить что-то в деталях было невозможно. Даже из собственной свадьбы, состоявшейся уже спустя полгода после его приезда, в памяти Сарали осталось далеко не все.

Невесту подыскала Мар1ат. Это было неудивительно: ведь многие мужчины рассеяны сейчас по степям Казахстана и Киргизии, в домах оставались в основном женщины и дети. Тем более что сделать это ей поручил сам Соьсбек – а отказать ему она и не могла, и не хотела. И за выполнение этой приятной работы взялись с воодушевлением. Она и подыскала ему невесту.

Спрашивать у Сарали, готов ли к женитьбе он сам, родные не стали – раз восемнадцать исполнилось, значит готов.

Девушку нашли из достойного рода Хьакко, вот уже много поколений подряд он давал народу Нохчи-Чоь бесстрашных мужчин и скромных женщин. Звали невесту Эсят. Следует отметить, что невесты в доме были, что называется, на выбор: ведь у Эсят была еще и младшая сестра, Аминта, но в жены Сарали сосватали именно ее.

Стройная и красивая, с точеной фигурой и безупречно правильными чертами лица, над которыми словно потрудился хороший скульптор, воспитанная согласно традициям и обычаям своего народа - она была бы желанной невесткой для любого чеченского дома: но досталась Сарали.

С родственниками Эсят стоворились быстро, без осложнений. Тем более что в сваты вызвался сам Соьсбек. Уважаемая Зелиха, мама невесты, сразу дала свое согласие – ведь к роду Айдамара, достойным продолжателем которого был Сарали, никаких вопросов ни у кого тоже не было. Да и сам Сарали в свои восемнадцать был завидным женихом – высокий, широкоплечий джигит, быстрый в движениях, с решительным взглядом: таким принадлежит будущее.

«Какая замечательная будет семья!», - шепнула Мар1ат на ухо Халипат, когда день свадьбы был назначен. «Да, в ней станут царить согласие и уважение: и гостям всегда будет приятно войти в такой дом», - согласилась с ней

мама Сарали.

Кстати, крепкой дружбе, которая сложилась между Эсят и Мар1ат, можно по-доброму позавидовать: они и сегодня, а ведь прошло уже больше полувека, не представляют себя друг без друга – и частенько вместе проводят целые дни напролет.

А сейчас была еще только свадьба – и началась она с похищения невесты. Этой славной чеченской традиции наверное, столько же лет, сколько и самим горам Чечни; своими корнями она уходит так глубоко в прошлое, что истоки ее теряются, и о самом первом похищении не может рассказать уже никто из ныне живущих. Остались лишь легенды и предания: а также сам живописный обычай.

Когда Эсят умыкнули из дома и что есть духу помчали по улицам города, казалось, что этой свадьбе рукоплещет весь Усть-Каменогорск. Люди выглядывали из окон, вначале насторожено, затем, когда понимали что происходит – уже улыбаясь, все шире и шире. Они один за другим выходили из домов, получалось, что Эсят везли сквозь живой строй: и девушка отметила, что лица людей светятся не только любопытством – их озаряла надежда! В какой-то момент Эсят поняла:

война ведь осталась позади, страна в ней победила. И хотя пока всем жилось трудно и небогато – люди всеми силами души ждали близких перемен к лучшему. И в красочном обычае, который они сейчас наблюдали – все видели не просто свадьбу: это был для них символ всепобеждающей Жизни, это был праздник Юности, готовой одолеть любые преграды и трудности на пути к человеческому счастью...

Затем был обязательный «там» - калым (правда, в непростых послевоенных условиях, да еще на чужой земле он оказался, конечно же, скромнее чем обычно; но ведь главное – он таки был!).

За праздничным столом едва поместились все гости, желавшие поздравить молодых: Сарали впервые за годы депортации увидел столько чеченцев сразу. Но кроме своих сидели за столом также и казахи, и русские, и украинцы: люди разных народов, с которыми у чеченцев сложились добрые, прочные дружеские отношения.

Стол был весь уставлен блюдами национальной кухни: женщины превзошли самих себя. Мужчины соревновались в праздничных пожеланиях молодоженам. Озорно шушукались детишки, не упускавшие ни одной детали происходящего.

Сарали немного смутился: так много взглядов было обращено на них с Эсят, так много добрых слов сказано в их адрес. Но он твердо верил: судьба уже исчерпала запас тех испытаний и трудностей, которые она так щедро рассыпала на пути его братьев все эти годы. Теперь их всех непременно ждет лучшее будущее...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ.

В доме Соьсбека все они прожили еще несколько лет – спокойных и мирных, наполненных трудами и веселым детским гомоном: когда наконец – шел 1957-й год – вышел долгожданный указ правительства об отмене депортации.

Но это была не просто отмена депортации: это было много большее – разрешение всем чеченцам возвращаться к себе домой. В горы Нохчи-Чоь. На земли своих предков. Это была та великая, та мирная победа, которую они все так долго и так отчаянно ждали – голодая, снося лишения и притеснения властей, отбиваясь от кочевников и вербованных; ждали, когда хоронили своих близких – и когда рождали на свет новых маленьких чеченцев. И они ее дождались...

Кто-то из чеченцев уехал на Родину поездом. Нанимали для этого и автобусы. Другим удавалось договориться по поводу машины: фронтовые «Студебеккеры» были и

вместительными, и пригодными почти к любым дорогам. В общем, все это было неважно: не будь транспорта, люди пошли бы домой пешком. Пусть это далеко, пусть это тысячи верст – но ведь их ждала Нохчи-Чоь.

Семья Соьсбека уехала домой поездом. В Нальчике пересели, и первые силуэты гор – до боли знакомых гор – люди увидели уже из окна автобуса. Он же, натужно пыхтя, довез их до Грозного. Там Соьсбека ждала плохая весть: в принадлежавшем ему городском доме уже давно жили совсем чужие люди. Они не просто не были ему родственниками: это были даже и не чеченцы вовсе – русские – причем дом они заняли на законных основаниях, с разрешения властей, были все нужные документы.

Соьсбек лишь пожал плечами: после ужасов депортации такая несправедливость выглядела не слишком значительной. Они вновь сели в автобус и направились в родное село.

И когда вдаль показались Новые Атаги, в автобусе плакали все: и старики, и молодые, и те дети постарше, что понимали происходящее. Плакали все, не таясь и ничуть не стесняясь друг друга – ведь это были слезы счастья, а их не прячут...

Обустраиваться на Родине – совсем другое дело, чем налаживать жизнь на чужбине. И пусть сегодня здесь было все порушено, разграблено, пусть дома грустно смотрели на своих вернувшихся хозяев пустыми глазницами окон, Соьсбек знал – уже завтра все будет иначе. Они построят новые дома, они заново вспашут заброшенную землю, они вдохнут новую Жизнь в эту землю, землю их предков – на которой предстоит жить и им самим, и многим поколениям их потомков...

...Летний вечер выдался теплым. Как и тогда, множество лет назад, Соьсбек стоял на берегу Аргуна, вслушиваясь в тишину подступающих сумерек. На

другом берегу реки виднелся тот самый валун, на котором любила сидеть Аймани. Он ничуть не изменился: время лишь еще больше сгладило каменные грани: и в лучах заходящего солнца они приветливо поблескивали.

Соьсбек пришел сюда потому, что сегодня встретил Аймани. Он легко узнал ее на вокзале в Хасав-Юрте: столетнюю, как и он сам, Аймани – и не удивлялся этому. Он узнал бы ее и через тысячу лет – просто в жизни есть вещи, над которыми время не имеет власти.

Соьсбек вырастил сыновей и дочерей, племянников, внуков. Он искренне любил своих жен: женщин, рождающих ему детей и поддерживающих очаг в его доме. Он одолел все трудности жизни, не теряя мужского и человеческого достоинства. Был чеченцем – и принял на себя все то, что уготовила судьба его народу.

Он, Соьсбек, прожил долгую жизнь, и сейчас мог себе честно признаться: все-таки было в этой его жизни и нечто особенное. Таинственное, непостижимое, дающее слова илланчам и музыку айнам, дарящее всем людям силы и желание жить.

«Будь счастлива, Аймани», - и он задумчиво погладил Борза, что удобно устроился на его коленях. Соьсбек подобрал его котенком в далекой киргизской степи, теперь Борз был крупным и воинственным котом крайне независимого характера («настоящий чеченец!»).

«Будь счастлива, Аймани», - лицо Соьсбека, изборожденное глубокими морщинами, озарила светлая и совсем молодая улыбка...

Река Времени, что течет рядом, ответила ему размеренным плеском волн. Горы Судьбы, что высятся вдалеке, ответили ему – тишиной...

Послесловие. ПОТОМКИ.

Тейп Беной уважаемый и сильный. Род Т1аши, входящий в него – достоин своего тейпа. Он дал Нохчи-Чоь немало героев и красавиц, писателей, учителей, воинов. Сегодня многочисленные потомки Т1аши живут в нескольких странах. У них свои семьи. Растут любимые дети.

В знак глубокого уважения к памяти славных предков – Айдамара и его брата Шат1ы – люди нашего рода приняли обе фамилии, и теперь мы разделились на Айдамировых и Шатаевых. Впрочем, это совершенно не мешает нам ощущать себя самыми близкими друг другу людьми.

Так что у меня, Луизы Айдамировой, есть много ныне живущих родственников, жизнь которых заслуживает описания - как и жизнь тех, кого уже поглотила Река Времени.

Но что-то меня останавливает, заставляя отложить перо в сторону. Думаю, я понимаю, что именно: у нас, чеченцев, не принято писать книги о ком-либо при его жизни. Уж очень высока вероятность оказаться необъективным – конечно же, из желания сделать человеку приятное. Лишь Время способно расставить все точки в такой книге правильно и беспристрастно. Лишь поколения детей и внуков в силах оценить наши деяния без боязни ошибиться. По достоинству.

Поэтому я оставляю это право – писать о ныне живущих – нашим потомкам. Они смогут увидеть неизмеримо больше, чем вижу сегодня я.

И им же, дорогим потомкам, чеченцам новых поколений, я хочу адресовать еще несколько строк. Это плоды моих размышлений о жизни и духе нашего народа. Плоды эти созрели, но их вкус я не навязываю никому. Просто прочтите – как вы уже прочли историю о жизни Айдамара и Соьсбека...

История нашей цивилизации – это во многом летопись тех войн, что тысячелетиями сотрясали человечество. Войны за новые земли и за право жить на своей; войны религиозные и политические, захватнические, освободительные: самые

разные, они знай сменяли друг друга печальной и почти нескончаемой чередой. Так уж сложилось, что споры и конфликты между собой народы часто решали, взяв в руки оружие.

Особняком в этом ряду – войны за мировое господство. Великому соблазну стать владыками мира в разные эпохи не смогли противостоять греки Македонского, Древний Рим и татаро-монголы, Персия, орды Тимура и гунны Аттилы.

Даже народы, достаточно мирные по своей природе – и те заплатили кровавый налог Идолу мирового господства. Вспомним: так было с французами эпохи Наполеона и немцами времен фашистской Германии.

Но это войны за власть над миром. А уж если говорить о «простых» попытках увеличить территорию своей страны за счет захвата земли соседей – то такие войны в истории случались почти повседневно. Причем брались за оружие и те, кто умеет воевать, и кто не очень, и даже те, кто к этому не приспособлен вовсе.

И в свете этих событий один факт (хорошо известный не только историкам) выглядит откровенно парадоксальным. Удивительным. Невероятным. Невозможным. Вот какой.

Лишь один народ на земле никогда, ни разу за все время своего существования не вел захватнических войн – и это при том, что воевать ему приходилось «не вкладывая саблю в ножны», то есть не просто часто, а почти всегда, все годы своей непростой истории.

Лишь один народ никогда не заставлял соседей покорно склонить перед ним головы – а сам ни разу не склонил ни перед кем своей.

Лишь один не пытался превратить войну в средство достижения своих корыстных целей: хотя мог бы это сделать успешно и многократно. Ве его войны были борьбой за свою свободу и независимость.

И тем удивительней этот факт, что народ, о котором идет речь – это народ-воин от Бога. По мнению многих – самый

бесстрашный и воинственный среди прочих народов. По признанию сведущих – самый умелый из всех в опасном искусстве войны.

А по свидетельствам историков – еще и единственный, кто смог в разное время успешно противостоять и знаменитым римским когортам, и диким монгольским ордам, и свирепым воинам Железного Тимура.

Один из соратников Чингиз-Хана некогда сказал об этом народе так: *«Семь десятков племен и народностей собраны в нашем славном войске. Но лишь одних признают выше себя все остальные: и гунуэзские латники, и конники монголов, и черные боевые бедуины – признают, именуя их при этом уважительно: «повелители оружия» и «жрецы воинского умения».*

Этому народу отдавал должное суровый генерал Ермолов: *«Победы даются мне – признаю – невероятно высокой ценой. За каждую жизнь соплеменника они отнимают десятки жизней моих солдат. И каждая пядь земли здесь щедро полита нашей кровью, до самой глубины недр этих непокорных гор».*

Этим народом восторгался имперский штабс-капитан Денисов, записавший в свой дневник в окопах первой мировой: *«И вероятно, нас смели бы уже германцы своим натиском, если бы только не Дикая Дивизия. Чьи всадники налетели на врага столь неистово, что немцы в ужасе бежали, побросав не только свои винтовки, но даже и оставив на позициях пушки».*

Я, Луиза Айдамирова, хорошо понимаю, почему этот воинственный народ – мой народ! - никогда не был захватчиком: потому что нам, чеченцам, не нужны чужие земли. Мы живем на своей, нам ее достаточно.

Я знаю наверняка, почему мы непобедимы: потому что свою землю, землю наших предков и наших детей – мы, чеченцы, не отдадим никогда и никому. Ни при каких обстоятельствах.

И я хорошо представляю себе ту опасность, от которой сегодня хочу предостеречь всех земляков.

Нынешний мир – это мир сплошного соблазна. В нем так много видимых и достижимых благ: роскошные дома, быстрые автомобили, доступные развлечения. Люди во всем мире стремятся к ним, достигают их, пользуются ими.

«Отчего же и нам не хотеть этого?» - спрашивают себя сегодня некоторые молодые чеченцы, - «Или мы, как и наши предки, станем довольствоваться клочком земли и кукурузной лепешкой?»

Увы, но иные из них делают шаг в сторону этого «нового мира». И этот роковой шаг – отдаляет их от нас на тысячи километров. Потому что это шаг в сторону от наших традиций и обычаев, от векового уклада жизни вайнахов; от всего того, что позволяет чеченскому народу оставаться таким непохожим на все прочие народы мира – и таким уважаемым ими.

Тем, кто колеблется между двумя мирами, я скажу просто: живите так, чтобы потомки могли о вас сказать: «Этот человек жил так, как жил Соьсбек, сумевший победить само время». Или «Как жил Айдамар, которому люди верили настолько, что шли к нему рассудить их споры».

И не дай Аллах, чтобы о ком-то сказали: «Этот человек отнял деньги у слабого и живет на них».

Земляки. В ваших жилах течет благородная кровь народа-воина. Так не разбавляйте ее мирскими суетными дрязгами. Будьте достойны своих героических предков.

ЖИВИТЕ ПО-ЧЕЧЕНСКИ!

Украина, Киев, 2014год.

Дополнительный тираж – 10 000экз.

Издательство «СПРИЯННЯ ПРОСУВАННЮ».

Главный редактор: Петрова Е.

Корректор: Лисюченко К.

Дизайн обложки : Черепенчук Е.

Верстка текста: Микицей В.

Телефон редакции: 067 404-18-88

Вопросы и предложения к автору можно присылать по адресу:

aidamirova66@gmail.com